

Ценность долгой беседы, записанной мной, в том, что мой герой, Проничев Василий Иванович, общественный, политический деятель, проживший полвека в рабоче-крестьянской социалистической Империи, с документальной подробностью, с интересными случаями поведал о своей судьбе. Жизнь типичного советского гражданина и народа в целом ныне представляется идеальной в хозяйственном и нравственном смысле. Что особо ярко видится на фоне нынешней буржуазной России, когда крупные и крупнейшие чиновники — сплошь мошенники, ворующие сотни миллионов и десятки миллиардов народных рублей, когда престолюдье, и особо пенсионеры, перебивается с хлеба на воду, когда честь и совесть, по законам которой жили советские люди, ныне музейная редкость, когда души людские сжирает молох индивидуализма и наживы. Вот почему советская жизнь для старшего поколения — счастливые воспоминания, для нового поколения из престолюдья — мечта, хотя, разумеется, и в рабоче-крестьянском государстве не все было идеально.

Признаюсь, не сразу согласился на эту работу, поскольку много сегодня людей, подошедших к внушительному возрасту, претендуют на то, чтобы про их жизнь написали роман или, по меньшей мере, очерковую повесть. Как правило, это бывшие директора предприятий, работники партийного аппарата, правоохранительных органов, которых простые граждане страны могли только и видеть, что на первомайских и октябрьских трибунах, да по телевизору, показывающему партийные съезды и разного рода конференции. После же эти властные дяденьки наверху, некогда кричавшие с трибун: «Ура, товарищи!» без боя, предательски отдали на закланье новоявленной доморощенной и заморской буржуазии и этих товарищей, и наше Социалистическое Отечество.

Человек, о ком пойдёт повествование, являлся одним из руководящих работников среднего звена, без которых партийная верхушка не могла обходиться, и по

сути ничего не значила, поскольку известно, что кадры решают всё. Если верхний эшелон партийной власти был на виду, то представители среднего эшелона оставались в тени и, как большинство простых трудящихся, не понимали, куда веди и рулили верхи. А когда стало понятным и очевидным, было уже поздно.

Сегодня, за малым исключением, впереди нас, послевоенных, родившихся при Советской власти, уже никого не осталось. И мы, к великому сожалению, идущим за нами оставляем в наследство долгую смуту, которой не видно конца, опустевшие разорённые деревни, да заросшие дурной порослью хлебопашенные поля, грязные безрыбные реки, а также варварски выжженные, выстриженные леса Сибири и полупустые недра. В затылок нам уже дышат поколения, не знавшие той могучей неоглядной державы под названием СССР и той России, за которую на полях невообразимых сражений проливали кровь наши отцы и деды.

Да, Русский медведь сегодня тяжело ранен, и каиновы шавки, в предвкушении пира, собираются вокруг него, брызжут русофобской слюной и, переписывая историю о детях Авеля, носят коренные народы. Они боятся, что медведь, не дай Бог, поправится, поднимется во весь свой буреломный рост, и тогда...

А это произойдёт обязательно, поскольку Божья Матерь — покровительница России — много не допустит. Но, похоже, прошедшие войны, и мировые, и локальные, никого ничему не учат, а жаль.

Ниже, на временном жизненном срезе большой крестьянской семьи Проничевых, в которой, как в зеркале, живую отразился быт страны, мы увидим и преемственность поколений, и титанический крестьянский труд, и полузабытые ремёсла, и культуру отношений с окружающим миром и между близкими людьми, чего сегодня нам так не хватает.

Если Бог есть Любовь и Добро, а жизнь человека по православному определению есть задание Бога, и как человек справится с этим заданием, ему самому и будет ответом.

Итак, вниманию читателя предоставляется автобиографический рассказ, записанный и переработанный от первого лица, Василия Ивановича Проничева — патриота, человека, искренне и самоотверженно потрудившегося на благо нашей социалистической Родины.

Василий Забелло
Иркутск, 25.10. 2019.

Советская семья и малая родина

Родился я в селе Нарын, что в Бурятии. Мне всегда казалось странным, о селе говорили: «Сто дворов — сто воров», хотя родная вотчина отродясь ни замков, ни цепей не знала, и о каком бы то ни было воровстве и слыхом никто не слыхивал. Село по сибирским меркам древнее, зародилось в начале восемнадцатого века.

Бытует две версии о происхождении названия: от «Нирин» и «Наран», что первое, на бурятском языке означает «тонкий», «узкий», другое, близкое по звучанию, переводится как незакатное Солнце. Так как все дома с усадьбами построились на одной трёхкилометровой улице вдоль гор, то, скорее всего, слово «узкий» и положило название селу. Первые его поселенцы — казаки, отпочковавшиеся от

Донского казачьего войска, и крестьяне, переселившиеся самоходом из центральной части России.

Мои предки по линии матери, Бисир Яковлевич Новоженов и его жена Мария, приехали в эти края в составе казачьего отряда в середине XIX века. Бисир Яковлевич — казак из Ростова — женился в пути, когда пересекал Западную Сибирь. Мы полагаем, что наша прабабушка Мария была татаркой. Мой дедушка Семён Новоженов и был одним из четырёх сыновей Бисира Яковлевича. Его жена Капитолина была из рода Дениченковых, коренных нарыновцев. До революции семья Новоженовых была настолько большой, что родня жила в 10 домах. Имелись конюшня, коровники. И даже была именная падь за рекой. Падь Новоженовых. Это название елань носит и поныне.

Когда началась коллективизация, Новоженовы одними из первых добровольно передали в колхоз своё имущество, и стали основоположниками колхозного хозяйства. Два моих дяди, сыновья дедушки Семёна, работали председателями колхоза.

Мои предки по линии отца, Проничевы, жили недалеко от Нарына в посёлке Армак, получившем своё название от протекающей рядом реки. К сожалению, я немного знаю о них. Известно только, что дедушка Андриян и бабушка Мавра переехали из Армака в город Закаменск в 30-е годы. Здесь и вырос мой отец, Иван Андриянович, его четыре брата: Степан, Николай, Матвей, Виктор, и две сестры, Устинья и Лида. А моё раннее детство прошло в Нарыне, откуда родом моя мама, Татьяна Семёновна.

Всякая деревня имеет своё лицо, свою судьбу. Наша была рублена из добротного кондового леса. Дома с резными фронтонами и расписными наличниками. Под окнами каждой избы палисадники с черёмуховым кустом или рябиной, зимой и летом в обрамлении капитальных заборов чисто выметенные улицы, возле каждой калитки широкие лавки, на которых старики тёплыми вечерами вели житейские неторопливые беседы. У каждого большого рода было по два дома: в одном, пятистенном, как правило, жили родители, в другом, крестовом, — их дети с семьями. Дома имели один общий двор. Здесь же амбар, под ним подвал-ледник, с левой от него стороны завозник, где стояли повозки, телеги, хранился хозяйственный инвентарь. Далее — за тынём скотный двор и коровник, колодец-журавель, сенник. По субботам за огородами, рубленные по-чёрному, густо дымили бани, за которыми расстилались на пятидесяти сотках картофельные поля с подсадом турнепса и свеклы.

У дедушки Семёна в Нарыне, где мы жили, так и было: картошку выращивали на 40-50 сотках. Весной неделю садили, осенью неделю выкапывали. За частными картофельными полями до самого горизонта простирались поля колхозные.

В деревне было четыре кузницы, просторный колхозный двор, зернохранилище, ток — специально оборудованные площадки для обработки зерна. В машинном дворе стояли и ремонтировались молотилки, веялки, косилки, жатки, один-два трактора и комбайн «Сталинец».

Колхозу принадлежали две мельницы. Дед всегда брал меня на мельницу молоть зерно. Мельница на реке являлась местом общения, куда селяне съезжались, поджидая очередь, беседовали о насущных житейских делах. Под пение жерновов и аромат свежей муки варили чай, кто-то невдалеке рыбачил. Мельница запомнилась мне как место умиротворения и отдыха от суетных торопливых дел. Мой отец Проничев Иван Андриянович работал шорником в колхозной мастерской,

шил сбруи, хомуты, седёлки, нарезал из сыромятной кожи вожжи и другие необходимые предметы для упряжи. Каждому коню индивидуально. Известен мой отец был на всю округу как знатный сапожник. Вечером после ужина он садился у печи за свой сапожный ящик, доставал инструмент, заготовки и начинал тачать сапоги. В народе их называли хромачи, или джиммы. При ходьбе хромачи скрипели, напоминая о величии их хозяина. Как теперь понимаю, в сапожном деле отец был великим мастером, от заказчиков отбою не было. Вытесанные из берёзы колодки на любой размер, разного рода заготовки из кожи: голенища с передами и подкладом, колки — деревянные самодельные гвозди, которые и воспроизводили при ходьбе скрипучую песню сапог, и многое другое, необходимое при тачании обуви. Отец работал быстро и ловко, а главное, качественно, поскольку в деревне был ещё один знатный сапожник, Ермолаев Георгий Кузьмич, и между ними происходило негласное соревнование. Впоследствии Георгий Кузьмич стал нашим родственником и моим крёстным. Его средний сын Александр женился на моей сестре Валюше, мы породнились и дружили семьями, но марка лучшего сапожника деревни всё же оставалась за отцом. Часто подолгу в мастерской дома я любил смотреть, как он забивает в подошву колки, слушать, как стрекочет зингеровская швейная машинка, из-под иглы которой выползает сшитая кожа, обретая форму сапога. Чувство красоты, терпение и любовь к делу с тех памятных вечеров живут во мне, а надо всем образ отца с тёплой улыбкой, сопровождающий меня по жизни.

Я благодарен судьбе и моей деревне Нарын, где сызмальства в полной мере познал сельский труд и ремёсла. Подмести двор, улицу, подоить и напоить коров, сажать и выкапывать картошку, конюшить с дедом, гнать на водопой табун лошадей и обратно. В два часа ночи, когда засыпала деревня, я с сознанием выполненного труда, любуясь звёздным небом, возвращался домой, где у порога со стаканом свежих сливок меня встречала мама. После на прогретой русской печи, вольготно развалившись, я засыпал и видел сладкие сны, наваждение от которых ощущаю и сегодня. Разве это не щедрое деревенское счастье, которое ты помнишь и чувствуешь на протяжении всей жизни!

Утром вставали рано. Колхозный бригадир Кузька Нанкин с рассветом ездил на коне от одного двора к другому, щёлкал по ставням бичом, будил народ, при этом кричал: «Семён, Кузьма, Петро, вставай!». Часы-то имели не все, поэтому Кузька Нанкин вместо будильника поднимал людей на работу.

Родная моя бабушка, Капитолина, умерла, дедушка женился во второй раз — на Матрёне. Тётка Матрёна и её племянница тётка Парунья быстро накрывали стол: отварная картошка, творог, яйца, чай и постряпушки подавались на завтрак. Позавтракав, дедушка шёл на конюшню выводить и вручать колхозникам рабочих лошадей.

Деревенские жители делились на верховских и низовских. Все друг друга уважали. Правда, иногда почему-то верховские ребята шли в школу с дубинами, а навстречу им низовские — и тоже с дубинами. Но как только доходили до школы, дубины выбрасывали в овраг и дружно учились.

Школа располагалась посередине деревни, так же как церковь и дизельная электростанция. Село Нарын растянулось вдоль подножья горной гряды, которую венчает гора Крестовая, казалось, она подпирает небо. В кои-то веки на ней установили крест, поэтому и название такое. Ещё известна она глубокой пещерой, но мы боялись туда заходить. С другой стороны села протекает река Джиды, упруго несущая чистые прозрачные воды.

Когда Джиди замерзала, мы собирались группой по 10-15 мальчишек, брали с собой санки на коньках, деревянные палки с вбитыми металлическими штырями и пять километров шли вверх по течению. Потом весело и шумно скатывались вниз. Ватажкой руководил признанный всеми вожак Тимоха. Его чуткая забота ощущалась во всём, и мы его слушали и любили. Возвращаясь, подолгу любовались подлёдным течением реки, за которой во всей зимней красе курится в снежных оплывах родное село. Здесь я познал дружбу и первую детскую влюблённость к девочке Вале, о которой подолгу мечтал звёздными вечерами на сеновале.

Мы любили своё село. Не менее привлекательным и уютным было оно и летом. Бывало идёшь центральной улицей и не налюбуйешься: выметена, вычищена, кюветы чистые — ни соринки. Возле цветистых палисадников на лавочках сидят и беседуют взрослые, рядом в пределах видимости играют дети в лапту, зоську, городки, и в догоняшки. Теперь такой идиллии в жисть не сыскать.

Незабываемы и школьные годы. Мою первую учительницу Марию Григорьевну за небольшой рост и округлую фигуру между собой мы называли Колобок. Она вкатывалась в класс, светясь, как солнышко: сколько тепла и радости несла с собой. Порой не могли дождаться следующего дня, чтобы скорее бежать в школу и встретиться с ней. Директор школы, Иннокентий Михайлович Ключихин, был для нас как второй отец. Ученики его побаивались, но он никого не ругал, всегда говорил по-доброму и всех жалел: одежка на нас была скромная, кому-то покупали на вырост, а кто-то подолгу не мог расстаться с короткими гачами, зато все тянулись к учёбе.

Когда я заканчивал первый класс, семья переехала жить в посёлок База Закаменского Джидокомбината, который добывал в годы Великой Отечественной войны и после очень важные и нужные для армии и страны вольфрам и молибден. Здесь отцу предложили работать на автозаправке. Туда и перевезли дом из Нарына. Именно здесь наша семья стала многодетной. Однажды отец захотел стать фотографом, купил фотоаппарат — большая редкость для тех лет. Бывало сельяне выстраивались в очередь сфотографироваться. Отец никому не отказывал. Надо отметить, за какое бы дело родитель не брался, у него всегда всё получалось красиво, добротно, качественно, за что и ценили.

Мама была домохозяйкой, огородницей, помнится, когда переехали жить на Базу, а после в Джиду, одних помидор сажали более тысячи корней. До пятисот ведер только на полив требовалось, доставал журавлём. Мама поднимала нас рано, и мы, все семь детей, шли работать на поле: кто полол, кто поливал, кто урожаем собирал. Мне, как старшему, поручалась самая ответственная и трудоёмкая работа. Так под призором мамы проходило наше воспитание.

Больше всего в жизни я благодарен родителям. У меня три младших брата: Пётр, Иван, Андрей и четыре сестры — Валентина, Антонина, Любовь и Нина. Родители всем дали образование. Три сестры и брат окончили педагогический институт. Валентина почитай всю жизнь трудилась педагогом на станции юных техников в городе Улан-Удэ, Люба почти всю трудовую жизнь посвятила воспитанию детей, заведя детским садом. Антонина — третья сестра — много лет трудилась в школе педагогом и в республиканском Дворце пионеров, четвёртая, Нина, выучилась на врача, возглавляла медсанчасть аэропорта Улан-Удэ, где и востребована до сих пор. Один из братьев, Пётр, окончил спортфак, воспитывал и тренировал лучников, после преподавал физкультуру в школе и много лет возглавлял республиканскую станцию юных техников Бурятии. Второй, Иван, занимает

ся автосервисом, а третий — лётчик. Семья дружная, мы часто встречаемся. Все семейные и уже обросли внуками. Так что мама заслуженно носила серебряный орден «Мать-Героиня».

Советская школа

И все-таки я подробнее скажу о моих первых школьных годах. Посёлок База — всего 14 домов — находился между станцией Джиды и городом Закаменск. Здесь стояли гаражи, автомастерская, гостиница, столовая, дорожное управление, автозаправка, огромный деревянный склад.

От Базы до Нарына, где была школа, — пять километров. 1 сентября мы выдвигались на учёбу отрядом человек в десять, вечером — назад. И так до середины ноября. Когда наступали холода, кто-то переселялся жить в Нарын, я тоже переезжал к бабушке, но часто возвращался в рабочий посёлок, скучал по родителям. К концу ноября нас в школу из посёлка уже отправлялось два-три человека, а потом чаще я ходил один.

Эти пять километров дороги мне тогда представлялись долгими и страшными. Из дома выхожу, мама провожает до дальнего бугра примерно с километр. Дальше иду один, мама стоит и плачет. Шагаю по полю, затем надо перейти дальний сухой мост. Когда до моста остаётся метров 100, я начинаю бежать изо всех сил, пулей пролетаю через него. Страшно было, вдруг кто из-под моста вылезет и схватит, потому и бежал. Больше всего боялся беглых заключённых. О них много говорили. Особенно был на слуху случай, произошедший с подпаском Петей, на которого из леса вышли два беглых зека. Пастух тогда отлучился в деревню. В телогрейках без ворота, поигрывая ножами, новоявленные гости пригрозили отроку, хрипло выдавив в лицо:

— Ты, фраерок, сиди тихо, тебя не тронем, а вон того телёночка приберём.

Петя, испугавшись, стал просить:

— Дяденька, не надо, меня накажут.

— Сказано, сиди тихо, не тронем, а то за телёночка сам пойдёшь, — и нож к горлу приставили, — понятно?

— Да, да, дяденька, понятно, — вздрагивая всем телом, еле выговорил пастушок. Но только зеки двинулись к стаду, Петя, сам от себя не ожидая, схватил бич, сплетённый из сыромятной кожи, и с трёх метров резким боковым махом из-за плеча с оттягом свистанул по шее одного, затем другого, тот и оглянуться толком не успел, как навзничь, взмахнув руками, рухнул к первому в ноги. Тренировка на борщевике и подсолнухах оказалась кстати и весьма полезной.

Подпасок Петя на какое-то время сделался героем деревни. Но беглых зеков мы всё равно боялись, и, когда пробегали через пять мостов, у каждого сердце, как говорится, уходило в пятки. После мостов, уже на выходе к селу, вилась по заросшему оврагу не менее страшная дорога, по которой так же, запыхавшись, пробегали. Как только показывались первые дома, страх пропадал. Так и ходил в школу до пятого класса. Правда, к третьему классу отец купил мне велосипед, и я уже на велосипеде ездил.

У нас был пришкольный огород, на котором проводились практические занятия по биологии. Вместе с учителями занимались посадками, летом ухаживали за огородом, а осенью также все вместе собирали урожай. Это сближало нас, помо-

гало по-другому увидеть учителей, почувствовать уважение к труду. Очень жаль, что сегодня таких пришкольных огородов, садовых участков мы не наблюдаем.

Недалеко от посёлка База бурно протекала речка Армак, по другую сторону посёлка возвышался горный хребет с маленькой лесной подушкой, где осенью грузди каждый день собирали вёдрами. Откуда столько бралось — загадка. А рядом — большой луг и огромное черёмуховое поле. Когда черёмуха созревала, ходили с вёдрами собирать. В этом посёлке у меня появились первые друзья: Петруха, Виктор. Вместе мы часто рыбачили. Армак был притоком большой реки Джиды, что опоясывала наш посёлок с юга.

Помню, отец впервые взял меня с собой на рыбалку. От нашего посёлка в трёх километрах река Джиды ударялась в скалу, закручивала омут. В этом месте всегда скапливалась рыба. Отец на мыша спиннингом ловил тайменей. Однажды подсёк огромного самца, водил плёсом около часа, а вытащить не может, — слишком велик был. Раньше рыба измерялась так: мужик несёт тайменя на плече, а хвост по земле волочится. Так вот, отец отправляет меня со спиннингом выше, по шивере перейти на противоположный берег, чтобы я с другой стороны стремнины держал уставшую рыбину в натяг. Я так и сделал. Отец зашёл в реку, поддел снизу обеими руками ослабевшего тайменя, выбросил на мель, вторым рывком на берег. Таймень мне показался величиной со шпалу.

Здесь в посёлке База я впервые увидел прапрадеда по отцовской линии дедушку Харитона Казанцева. В то время было ему девяносто пять лет. Ростом он был высок, под два метра. Несмотря на внушительный возраст, проглядывались гвардейская выправка и из-под седых нависших бровей добрый пронизательный взгляд. Повидав много на своём веку, прапрадед Харитон очень чутко и нежно приглядывал за нами, настойчиво с любовью воспитывал, приобщая к труду. Слава лучшего столяра-краснодеревщика шла впереди его. От заказов не было отбою. Его руками были сработаны лавки, столы, полки, шкафы, стулья. В свободное время, сколько помню, прапрадед столярничал, мы были подле, учились. Дедулю любили и всегда старались ему угодить. От него передались мне и моим братьям умение и любовь к столярному и плотницкому ремеслам. Вскоре здесь родилась моя первая младшая сестра Валя, которой в последующие годы придется помогать маме вынашивать младших сестер и братьев.

До сих пор не могу представить, как с нами шестерыми справлялась мама. Отец работал на автозаправке, потом водителем грузовика, видели мы его только вечерами. Пригляд за ребяташками, воспитание, домашняя работа от темна до темна — всё это ложилось на маму. Осенью, когда вызревала пшеница, все женщины посёлка, в том числе и мама, выходили на жатву, вязали снопы, ставили суслоны. К обеду в поле мы приносили им еду и воду. Надо было видеть, как нашему приходу радовались жницы.

Как сейчас помню: с опущенными обмякшими руками полулежит у суслона отдыхающая мама, а кругом медовые, восковой спелости колосающиеся поля родного Забайкалья. Их аромат и сегодня сладостным предвкушением напоминает испечённый на поду в русской печке, отдающий жаром под холщёвым полотенцем на столе увесистый румяный каравай, вокруг которого седьмого ноября собирается к праздничному застолью хлопотливая, в сияющих лицах семья. Вспомнишь всё это, окинешь памятью, и от восторга дух перехватит, вскрикнешь: жива ли моя милая малая Родина?! Каково тебе сегодня?! Теперь понимаю, что осознание хлебушка насущного ненавязчиво с пелёнок определяло наш дальнейший жизненный путь.

Когда жили на Базе, у нас был монгольский конь Серко. Монголки, как правило, низкорослые, неприхотливые в питании: зимой, вместо воды, едят снег, копытят, спокойные и терпеливые. Потом купили рослого Карьку. Для праздничных выездов запрягали его в тарантас или рессорку, с расписными в колокольцах дугами. Также по весне на лошадях вспахивали сохой или двухлемешным плугом картофельное поле. Свою первую борозду, пока отец отдыхал, я прошёл, учась во втором классе. Начиная с первых классов, мы в колхозном поле колоски собирали, а старшеклассники картошку копали, кто-то участвовал в сенокосе, кто-то на зерноскладе разбрасывал зерно, чтобы не сопрело. Когда подрос, ставили на жатку, на волокуши. В 12 лет впервые разжёл с другом в кузне горн и выковал из рессоры нож для рубанка. Спустя два года из ясеновой доски сработал фуганок, рубанок и другие столярные инструменты, которые подглядел у дедушки Харитона. От фабричных не отличить. Долго служили нам эти инструменты, и до сих пор хранятся в запаснике.

Одно время наша семья жила в Закаменске, но скоро переехали на станцию Джиды. Здесь я учился с 5-го по 7-й класс. Полюбил спорт. А виной тому была учительница физкультуры Зоя Васильевна Правдина. Мне нравился бег. Помню, все играли в футбол, волейбол, баскетбол, а мне учительница разрешала бегать вокруг стадиона, за урок я пробегал десять кругов. Здесь родился мой третий брат — Иван, названный в честь отца; Иван стал седьмым ребенком в семье.

В Джиде жил очень интересный человек — Виктор Пашенский, молодой слесарь. А известен он был тем, что виртуозно отплясывал чечётку. Как-то пришёл к нам в школу и предложил завучу организовать группу чечёточников. Нас, любопытных, подобралось четыре человека: я, Гена Артемьев, Витя Евграфов и Володя Шагжиев. Виктор играл на баяне, а мы учились плясать: матросский танец «Яблочко», цыганочку и даже вальс. Должен сказать, это нас прославило: мы отбивали чечётку на всех вечерах, поселковых, районных и городских, и даже республиканских смотрах. Нам купили матросские костюмы и специальные ботинки. Незабываемое время.

На соседних улицах жили мои друзья. Помнится, по окончании десятого класса собирались обсуждать кубинскую революцию, проявляя солидарность, пели: «Куба — любовь моя... слышишь чеканный шаг, это идут барбудус». Кто такие барбудус, представляли смутно. Удивительно, тогда не было телевизоров, множества радиопрограмм, как сегодня, но мы говорили о кубинцах как о своих братьях. После жарких споров играли в футбол и волейбол. Поразительно, но на волейбольной площадке в очереди сыграть ждали до десяти и более команд молодёжи и взрослых. Сегодня такого уже не увидишь. В то время спорт поистине был народным.

В восьмом классе я учился в школе на станции Гусиное Озеро. Там находилось паровозное депо, где старшеклассники могли по желанию получить профессию. Мы ходили туда вечером с 23 часов и до 2-3 часов ночи. Я учился на токаря, осваивал станок ДИП-200. Гена Артемьев осваивал ДИП-400, Юра Федотов решил учиться на сварщика, а Васьков — на фрезеровщика. По окончании учёбы все получили удостоверения, я стал токарем третьего разряда.

Но тот год больше запомнился другими событиями. В Селенгинском райкоме комсомола меня в торжественной обстановке вместе с одноклассниками приняли в ВЛКСМ.

При школе находился интернат, где проживало не менее пятидесяти учащихся.

После Великой Отечественной много было одиноких молодых бездетных женщин. Таковой была и наша завуч Валентина Ивановна Черных, преподаватель химии. К интернатским детям она питала особую оберегающую любовь. Поскольку в её предмете я мало что понимал, то всячески старался увильнуть от ответа. На одном из уроков Валентина Ивановна вызывает меня к доске решать задачу. Вставая, я специально зацепился пуговицей за торчащий сбоку парты гвоздик. Пуговица оторвалась, говорю: «Валентина Ивановна, я порвал костюм, к доске идти не могу». Она на меня внимательно посмотрела, как-то про себя ухмыльнулась и сказала: «Хорошо, садись».

Во время перемены, едва мы выбежали из класса в коридор, Валентина Ивановна, крепко взяв меня за руку, прокричала, перебивая шум и гвалт кишащих ребят: «Чебунина ко мне!». Чебунин — десятиклассник-отличник, любимец школы, подбегает вместе с другом, и Валентина Ивановна даёт им поручение: «Возьмёте этого парня на прицеп!»

Взяли так взяли! Ночью спать не дают: решаем задачи, учим формулы. Садимся часов в 10 вечера и до ночи занимаемся. Что интересно, примерно через две недели у меня возникло ясное понимание химии. Я стал получать удовольствие от обучения. Почувствовал, что могу решать любые задачи, на любой вопрос ответить и, главное, в одно мгновение!

Тогда меня охватило чувство радости. Захотелось учиться, отвечать у школьной доски. Встаю утром и думаю: «Скорее бы урок начался!». С этого момента в моей жизни наступил новый этап, когда учёба стала приносить огромное удовольствие. Я по-настоящему привязался к школе. Валентина Ивановна пробудила во мне любовь к знаниям. Я почувствовал в себе силу и большое желание учиться. Потом всю жизнь учился и получал от этого только радость. По весне перед школой мы заложили парк. Организатором была Валентина Ивановна. Парк шумит листвой и поныне, напоминая о школе и прекрасном человеке, нашей незабвенной учительнице Валентине Ивановне Черных.

Девятые и десятые классы учился в посёлке Дыристой. Жил в интернате при школе, повзрослел, играл на баяне. Вечера мне запомнились тем, что мальчишки танцуют с девчонками, а я играю. Потом много лет играл на танцах. И жизнь меня обделила тем, что не было возможности танцевать, а вокруг было столько красивых девчонок. Одно утешение, когда кто-нибудь из них подходил и нежно вытирал платочком вспотевший лоб.

Директором школы тогда работал Бадмажап Данзанович Лубсанов, учитель математики. Талантливый педагог. Бывало, так распределял в классе задания: «Артемьев, решаешь первый вариант. Цыдендоржиев, решаешь второй вариант. Все остальные — третий вариант».

Литературу преподавала Ханда Дамдиновна Гачеева — наш любимый учитель.

Она вела драматический кружок. Помню, играли в спектакле по пьесе Горького. Нам пошили костюмы. Сидим на сцене за столом с моим другом, Геной Артемьевым, у меня — роль отца, у него — роль сына. Я взбешён, бью кулаком по столу, борода вскочила, трясётся, кричу: «Всё пропью! Всё прогуляю! Ничего тебе не достанется!» Зал взрывается овациями. Мы уходим за кулисы. Ханда Дамдиновна подбегает к нам: «Вася, Гена, скорее на сцену! Благодарите зрителей!»

Позднее Ханда Дамдиновна стала директором станционной школы, где после окончания института учительствовали моя сестра Антонина и брат Пётр.

Учитель физики Николай Данзанович — спортсмен, первозрядник по лыж-

ным гонкам. Вечерами мы ходили с ним на лыжные тренировки. Постепенно общение переросло в дружбу. Когда возвращались с лыжни, могли часами говорить о жизни, науке, литературе.

В девятом и десятом классах мы ездили по фермам района с творческой самодеятельностью. Случалось, давали концерты прямо на ферме под вздохи и мычание бурёнок. Как правило, в субботу наша агитбригада человек в пятнадцать вставала на лыжи и — вперёд. У меня в мешке за спиной баян. Половину дня идём до ближайшей фермы, даём концерт, а на следующий день идём на другую ферму.

Почти весь наш десятый класс состоял из спортсменов. И в этом была большая заслуга учителя физкультуры Михаила Медведева. Мы были чемпионами района. Гена Артемьев — лучший бегун на короткие дистанции, Мишка Коропец — на длинные дистанции, я — чемпион сразу по трём видам спорта: метанию диска, толканию ядра и в беге на 400 метров. В этот же год я стал лучшим лыжником на десяти- и пятнадцатикилометровых дистанциях. Также выполнил взрослый норматив по лёгкой атлетике в беге на десять километров. Заслужил большой красный значок перворазрядника, чем очень гордился. Помнится, всем классом выезжаем на районные соревнования, и все, как один, возвращались с наградными жетонами. Раньше жетонами награждали. Директор школы всякий раз объявлял общешкольную линейку по случаю выступления нашей команды. Вручались награды, звучали тёплые слова. Учителя умели показать детям, что ценят их. Десятый класс памятен мне и тем, что на комсомольской конференции района я был избран делегатом отчетно-выборной конференции комсомола Бурятии. Конференция проходила в городе Улан-Удэ, в здании театра оперы и балета. Именно там я увидел многих, тогда еще живых Героев Советского Союза, Соц. труда, участников ВОВ, многих знатных людей, и почувствовал, что комсомол уважают, ценят, в молодежь верят. А балет «Красавица Ангара» после конференции стал началом познания мной большого мира театра и искусства вообще.

На выпускном, вручая аттестаты, Бадмажап Данзанович говорил родителям только благодарственные слова.

Конечно, школьные годы, как поётся в песне, чудесные, но, подводя черту, хочется вспомнить и летние каникулы, во время которых мы трудились на производстве. Лично я после седьмого класса всё лето работал ремонтным рабочим на железной дороге. Помню, мастер мне говорил: «Вася, это твой честный кусок хлеба в помощь семье». Мы меняли рельсы и шпалы, делали много другой подсобной работы. После восьмого класса я трудился в геологоразведочной партии маршрутным рабочим. Выход в поле для меня памятен тем, что мы наткнулись на открытый срез урановой руды. После там были пробиты шурфы, канавы для изучения месторождений.

Сегодня при повальной безработице трудно представить, что рабочих мест в советское время было предостаточно, даже старшекласников охотно приглашали и благодарили за труд, только не ленись.

По окончании девятого и десятого классов я работал в железнодорожном клубе и в ДК Джидокомбината, где обогащали вольфрамовые и молибденовые руды. Работал баянистом и хударком. Но эта должность предусматривала определённые способности и талант. После школы до призыва в Советскую армию год я трудился учителем физкультуры. Меня пригласили на эту должность, поскольку по лёгкой атлетике и лыжным гонкам я имел первый разряд. Серьёзно занимался вольной борьбой и боксом. Я охотно согласился и с удовольствием учительство-

вал, организовывал и вёл секции. После окончания учебного года несколько месяцев работал на строительстве новой Джидинской школы. Трудился каменщиком, плотником и арматурщиком. Все эти профессии мне позже очень пригодились в ССО, когда стал студентом Госуниверситета.

Советская армия

Когда думаю об армии, вспоминаю советский фильм «Максим Перепелица». Там есть фрагмент, как селяне собираются в клубе и провожают на службу деревенских парней, дают им наказы. Ситуация абсолютно жизненная. Мои проводы в армию тоже были торжественными, но когда нас привезли в Петропавловку, где находился районный призывной пункт, военком заявил, что призыв нашей команды отменен — разъезжайтесь по домам. А через день после возвращения домой мне позвонил директор нашей джидинской школы и предложил работать учителем физкультуры. О чём я говорил в предыдущей главе. К тому времени я уже имел официальный трудовой стаж.

Учительский коллектив знал меня и с радостью принял. Уроки приносили удовольствие мне и детям. Повторюсь, после занятий вёл спортивные секции по борьбе и боксу. Вечерами и в свободные дни работал в доме культуры и в клубе железнодорожников баянистом, руководил агитбригадой. На следующий год осенью заново призвали в армию.

На призывном пункте в Улан-Удэ мы узнали, что из сибиряков формируется отдельная команда для службы в войсках противовоздушной обороны в Туркмении. Через неделю мы уже были в Средней Азии, в городе Чарджоу, откуда нас привезли в воинскую часть. Старшина учебной роты Денисов — большой служака, строевик, но добрый и очень порядочный. Свою задачу подобрать в свой дивизион спортсменов он выполнил чётко, предварительно «прощупав» каждого призывника. Сержанты относились к нам по-человечески, с пониманием, никакой дедовщины.

После «учебки» меня распределили в первый зенитно-ракетный дивизион, куда подбирали солдат старшина Денисов. Утром подъём в 7 часов: гимнастика, приборка, завтрак, построение, в 9 часов выдвигаемся на боевую позицию к станциям наведения и пусковым установкам, расположенным в 150 метрах от жилого военного городка. Здесь проходили занятия по радиотехнике и изучению зенитно-ракетного комплекса СС-75. Этот комплекс пользовался большой популярностью во всём мире. Его поставляли во многие страны, он хорошо себя зарекомендовал во время масштабных боевых действий в Ираке, Египте, Вьетнаме.

В ракетно-зенитной части служило нас 75 человек — в основном сержанты и офицеры. Я начинал службу оператором по дальности в кабине управления. В мою задачу входило на расстоянии в 100 километров, а по возможности и дальше, засечь приближающийся самолёт, навести прицел экрана и сопровождать его, пока он не войдёт в зону поражения наших ракет. В зависимости от того, насколько точно выбран прицел, офицер ставит тебе оценку. Когда занятия заканчивались, подсчитывалось общее количество баллов, полученных солдатом за день. А ночью до пяти раз объявляли учебную тревогу: подъём за 45 секунд, занимаем стартовые позиции, десятиминутная боевая готовность. Ситуация на южных границах СССР была тревожной, поэтому мы учились поражать реальные цели.

Уже на девятый месяц службы прошёл боевое крещение. Стою на посту, пригляделся: на дереве за рвом сидит человек и в бинокль осматривает позиции дивизиона. Звоню начальнику караула, тот прибегает, и мы идём на задержание. Перед нами арык метров пять шириной и два метра вглубь, вода течёт стремительно, со скоростью водопада. Ныряю, выбираюсь на противоположный берег, мне бросают карабин, он цепляется за ветку и падает в воду. Я опять головой в арык и, бывает же такое, карабин прямо в руки мне попал! Выбираюсь и бегом к дереву: «Гражданин, спускайтесь, иначе буду применять оружие!». Человек поёрзал-поёрзал, понял, что никуда не денется и спустился. Привожу его в штаб, приехали особысты. Вскоре командир части объявляет приказ: «За образцовое несение караульной службы рядовому Проничеву объявить благодарность и предоставить отпуск на 10 дней без дороги!».

А вообще караул у меня ассоциируется с гармонией жизни людей и природы благодаря картине, которую по утрам много раз наблюдал, будучи в карауле на посту.

На восходе солнца туркмены в цветных халатах издали на осликах медленно движутся к хлопковому полю, а рядом, как по команде, на гребень земляного рва выбегают проводить колонну красавцы фазаны, перья в солнечных лучах переливаются радугой.

Через год меня перевели в кабину наведения старшиной отделения и одновременно назначили старшиной первой батареи. В этой должности я прослужил менее года и был назначен старшиной дивизиона. Кому-то может показаться неправдоподобным, но наш дивизион был как одна семья. Офицеры и солдаты, старшины и сержанты опекали молодёжь, учили специальности, быть готовыми заменить на боевых постах старослужащих. Обидеть молодых можно было только на футбольном поле, обыграв их. Приз состоял из двадцати граммов масла. «Старикам» нередко приходилось отдавать его выигравшей молодёжи. Занятия в радиоклассах и на местах службы шли строго и интересно. Результат был таков: все получали классность, быстрое повышение и доплату к денежному довольствию. Первый класс приносил каждому почёт и уважение. Вскоре на собрании комсомольской организации меня избрали комсоргом, а через некоторое время приняли в ряды КПСС. На партийном собрании зачитали две рекомендации, которые дали мне старые коммунисты, ветераны ВОВ, жившие на станции Джиды, на соседней улице от нас, дядя Гоша Ефграфов и дядя Ваня Грязнов. Они перед моим отъездом в военкомат пришли к нам домой и сказали: Вася, тебя нужно принимать в партию, вот наши рекомендации, в армии будут принимать, их учтут. В моем сознании, эти фронтовики-коммунисты и сегодня — большой пример человечности и патриотизма.

В армии, конечно, всякое случается. Был и такой случай. Однажды в карауле ефрейтор открыл стрельбу. Докладывает: пытался задержать мужчину, который прятался поблизости, завязалась борьба, но нарушителю удалось вырваться и убежать. Дивизион подняли по тревоге. Прочёсываем всю округу. Никого. Даже следов нет. Начальник штаба майор Стукалов подзывает ефрейтора: «Слушай, скажи честно: ты в отпуск хотел поехать, поэтому разыграл спектакль? Наказывать не буду, если признаешься. Сам подумай: весь дивизион стоит на ушах, сейчас придет комиссия, спецотдел — местным жителям мало не покажется, всё перевернут!». Ефрейтор поник: «Простите, товарищ майор, я по дому заскучал, в отпуск захотел...». В отпуск его не отправили, но и наказывать не стали, как и обещал

майор. Самое главное: никто потом ефрейтора за эту ложную тревогу никогда не попрекал, поскольку дивизион в считанные минуты был развёрнут по боевой тревоге, что оказалось поучительным и полезным.

Другой случай: как-то один боец проштрафился, вышел покурить во время учебной боевой тревоги. Через день на построении ему объявляют трое суток гауптвахты за нарушение дисциплины. Боец вдруг с дрожью в голосе говорит: «Товарищ командир, я готов вынести любое наказание, только, пожалуйста, не отправляйте меня на гауптвахту». Мы застыли, ну, думаем, теперь время сутками не отделается. А командир посмотрел на бойца и, вместо того, чтобы наказать его более сурово, отменил своё решение. Не из жалости — офицер видел перед собой хорошего солдата, который впоследствии всегда был образцом по службе. Такими я и запомнил наших офицеров: строгими и человечными. Командира части полковника Коноваленко, начальника политотдела полковника Казанцева, командира дивизиона подполковника Чечевина, начальника штаба майора Стукалова, командира радиотехнической батареи майора Мендебаева, учителя — офицера наведения старшего лейтенанта Булгакова, офицеров Федотова, Капелько, старшину второй батареи Ваню Грибова — отца двоих детей, сержантов Свиридонова, Васькова, Иванова и других, я благодарен судьбе за то, что мне посчастливилось служить с этими людьми.

Одно время занимался тем, что пристреливал карабины, предназначенные для продажи на экспорт. В старших классах кроме всего прочего я ведь ещё был чемпионом по стрельбе из мелкокалиберной винтовки. Эти навыки пригодились в армии. По несколько недель кряду занимался пристрелкой карабинов СКС: делаешь пять выстрелов по мишени, поправляешь мушку, потом опять стреляешь. Так доводили точность стрельбы до «восьмёрки», «девятки», «десятки». В день, бывало, по 20 ящиков с карабинами привозили.

Последние полтора года служил старшиной дивизиона, входил в состав сборной дивизии по вольной борьбе, много выступал на чемпионатах военного округа, городов и Туркменской республики.

У нас была спортивная рота: мотогонщики, футболисты, легкоатлеты, боксёры, борцы, велосипедисты. В армейский спорт окупился в первый же год службы, выступив на легкоатлетических соревнованиях в Чарджоу: пробежал кросс, еле дотянул до финиша, сжег себе ноздри горячим воздухом — там температура днём плюс 60 градусов. Смерть для сибиряка. И такое пекло с 15 мая по 15 сентября. Не-е-ет, думаю, больше здесь лёгкой атлетикой заниматься не буду... А вот вольная борьба меня затянула.

Первый раз стал чемпионом дивизии по вольной борьбе на соревнованиях в городе Мары. На чемпионате Туркмении в Ашхабаде занял второе место, хотя должен был победить. Судьба свела меня с неоднократным чемпионом республики, любимцем первого секретаря Туркменского ЦК КПСС. Все схватки я выиграл чисто и в финале сошёлся с действующим чемпионом. Моему тренеру, председателю чарджоуского спорткомитета, сказали сделать всё, чтобы я проиграл.

В первом круге соперник так пассивно себя вёл, что мы разошлись «по нулям». Объявляют перерыв, а тренер ко мне не подходит. Тогда из зала поднимается русский и идёт ко мне: «Василий, я сам мастер спорта, ситуация понятна: тебе первое место не дадут, терять нечего, так что рискуй!». Рискнул. Во втором периоде перевёл соперника в партер, но железно заработанное очко мне не засчитали. А в третьем периоде ему дали очко за то, что я, якобы, веду пассивную борьбу.

Вот таким образом у меня забрали победу и звание мастера спорта СССР. До сих пор обидно, надо было постараться припечатать противника лопатками к коврику, но времени уже не хватило.

На сборах и соревнованиях часто бывал в Красноводске, Ашхабаде, Самарканде, Чарджоу, Марах, Ташкенте, боролся с довольно сильными соперниками, многих побеждал, немало среди них было чемпионов республик и призёров крупных союзных соревнований и чемпионатов.

В то время началась война во Вьетнаме. В качестве военной помощи Советский Союз поставлял вьетнамскому народу оружие, в том числе зенитно-ракетные комплексы СС-75. Первоначально планировалось направить в зону боевых действий и наш дивизион, чтобы создать оборонительное кольцо вокруг Ханоя и обезопасить столицу от налётов американской авиации. Вскоре мы были готовы к отправке, но военно-политическая ситуация в среднеазиатском регионе изменилась, и наш дивизион оставили охранять южные рубежи СССР. Однако комплексы СС-75 продолжали поступать во Вьетнам, и там они себя отлично показали, уничтожив, по разным оценкам, до 1200 боевых самолётов.

Служба подходила к окончанию. Как-то встречает начальник политотдела части полковник Казанцев, говорит: «Через месяц ты демобилизуешься, надо бы присвоить тебе офицерское звание, ты готовый замполит дивизиона». Мы попрощались, и я про этот разговор почти не вспоминал.

Наступил дембель, прощаемся с командирами, с бойцами, без слёз не обошлось. Поднимаясь по трапу в самолёт, обернулся в последний раз, помахал сослуживцам рукой, взял по козырёк: прощай, Туркмения! И здравствуй, Бурятия!

На станции встречает батя, приехал на грузовике. Я напросился ехать в кузове, хотелось обозреть знакомые улицы и родной посёлок, который три года видел только в солдатских снах. Подъезжаем к дому, встречают братья и сёстры, обступили, подходит мама: «Ну что, сынок, принимай своего младшего брата Андрюху», — подаёт завёрнутого в пелёны, недавно родившегося братишку. Беру братика на руки, разглядываю и заносу в дом, полный гостей.

Андрей был восьмой ребенок в семье. Через некоторое время маму наградили Серебряным орденом «Мать-героиня»; это был орден и отцу, поскольку заботы-хлопоты о воспитании детей были их общим делом.

Спустя неделю я уже работал в школе учителем физкультуры и художественным руководителем в доме культуры. Через пару дней звонит военком. Беру трубку и слышу: «Ну, здорово, Василий Иванович! Ты зачем нам голову заморочил? Мы поставили тебя на учёт как старшину, а сегодня пришёл конверт, в котором говорится, что тебе присвоено звание младшего лейтенанта». Так закончилась моя служба в армии.

Советские стройотряды

Наступают моменты, когда человек задаётся вопросом, каким путём ему идти дальше. Мне несколько раз приходилось оказываться на перекрёстках судьбы. Я мог стать профессиональным спортсменом или музыкантом. После школы я поступил учиться на заочное отделение во всесоюзный институт культуры по классу баяна, успешно сдал две сессии. В школе руководил художественной самодеятельностью, работал в двух клубах баянистом, пел, плясал чечётку и, как говорили, был неплохим конферансье.

После службы в армии остался в спорте — выступал за сборную Бурятии по вольной борьбе. Мой тренер уже договорился с ректором пединститута, что меня возьмут на спортфак. Впереди светила спортивная карьера, но я неожиданно для всех подал документы для поступления на юридический факультет Иркутского государственного университета. Однако, всё ещё сомневаясь в своём выборе, пошёл за советом к директору родной школы. Так и так, говорю, подскажите, как быть? А Бадмажап Данзанович отвечает: «Вася, если бы ты поступил в пединститут, было бы хорошо, а вот то, что ты решил на юридический факультет пойти, — это прекрасно!».

Вступительные экзамены я сдал успешно: получил две пятёрки и одну четвёрку. На общем собрании курса декан факультета Вадим Аркадьевич Пертцик, душевный человек, посмотрев на меня, сказал: «Вот ты, армейский старшина и офицер, будешь старостой 4 группы», которая в большинстве состояла из девчат.

Учёба давалась легко. Однако спорт не отпускал. Я много тренировался, после первого курса начал готовиться к Универсиаде СССР, которая должна была пройти в городе Фрунзе Киргизской ССР, но тут произошло событие, в корне изменившее мою жизнь. Старшекурсник Серёжа Лукин уговорил поехать на лето со стройотрядом «Самородок» в посёлок Маракан Бодайбинского района. За моими плечами был опыт работы плотником, каменщиком, арматурщиком, токарем, поэтому на стройке попал в свою стихию.

Меня назначили ответственным за подготовку фундамента для огромной котельной. Сначала в помощь дали одного человека — Валю Серебрякову, впоследствии знаменитого командира студенческих отрядов. Вскоре мы уже работали большой бригадой. Вечерами, как водится, я играл на баяне. И тут под конец трудового семестра приходит телеграмма из дома: «Приезжай срочно, у сестры свадьба».

Когда приехал, мама и говорит: «Свадьбу-то мы уже сыграли, а тебе написали, чтобы ты дома пожил, отдохнул». Но этот отдых закончился для меня трагически. Отправились мы с двумя друзьями на мотороллерах в соседний посёлок. Друзей не застали. Поздним вечером на обратном пути нас сбил грузовик, водитель, не останавливаясь, скрылся. Не помню, сколько лежал на обочине. Очнулся: тишина, на небе звёзды. Поднимаю левую ногу — она ниже колена висит, перелом. Левая рука тоже сломана. Славу, сидевшего на мотороллере позади меня, отбросило ещё дальше, у него открытый перелом бедра, кровь хлещет. Говорю ему: «Слава, я тебе сейчас песни буду петь, только ты не умирай». Мы пролежали у дороги несколько часов, пока за нами не пришла скорая помощь — её вызвал наш друг Витя, ехавший на втором мотороллере.

Болел я тяжело, в руку вбили штырь, ногу загипсовали. Долго лежал в реанимации. Боль не отпускала, не давала ни спать, ни есть. Врачи предупредили родителей, что я совсем плох. В больницу ко мне каждый день приезжал отец, поддерживал. Это давало мне силы. Нежданно меня навестила подруга, некогда близкая, с которой я не чаял встретиться. Едва войдя в палату, чуть ли не с порога: «Василий, ты чего раскис? Не падай духом!», — устроилась на стуле рядом с койкой, взяла за руку, и полилась непринуждённая душевная беседа. Удивительно, но с этого момента я почувствовал себя лучше и вскоре пошёл на поправку.

Наконец-то, четвёртого ноября меня выписали из больницы. Как-то сижу возле дома на лавочке, и вижу: направляясь ко мне, идёт по улице с чемоданами и рюкзаками весёлая компания однокурсников. Издали широко улыбаясь, подходят

Казбек Бесликоев, Игорь Майоров, Володя Татарников и Слава Верёвкин. «Далеко живёшь, — говорят, — вот тебе книги, готовься к сессии. Декан сказал, что к Новому году мы тебя должны доставить в университет в добром здравии». Деваться некуда, заботливая рука декана Вадима Аркадьевича Пертцика, которого я вспоминаю всегда с благодарностью, обязывала к труду и терпению. Погостив три дня, взбодрив меня ещё раз наказами, ребята уехали.

В конце декабря я вернулся в Иркутск. Сессию сдал хорошо. В апреле сняли гипс, но боль не проходила, и я заметно хромал. В перерывах между лекциями выпускник медучилища и мой однокурсник Володя Рябоконт в аудитории на столе делал мне массаж ноги. Впоследствии он в чине полковника милиции преподавал в Московской академии МВД. Словом, помогали все. К маю я начал ходить без посторонней помощи, не хромая.

Студентов у нас берегли, о них заботились. Вадим Аркадьевич Пертцик был активным сторонником студенческих отрядов: он считал, что будущим юристам обязательно надо почувствовать изнутри, как живёт и чем дышит трудовой коллектив, как живут люди. В дальнейшем пригодится принимать правильные решения. «Плох тот судья или прокурор, который учился лишь по учебникам», — говорил он.

Студенты буквально рвались в стройотряды, была двойная польза: и денег на учебный год подзаработать, и трудовой опыт приобрести. После второго курса в должности комиссара сводного студенческого отряда, состоявшего из ста семи человек, вместе со всеми улетел самолётом на Чукотку. На прииске «Светлый» в долине реки Колымы в районе вечной мерзлоты мы строили котельную станцию. Работа довольно трудоёмкая и сложная, поскольку вкрапления ледяной линзы в грунте после вскрытия верхнего мохового слоя таяли и не позволяли в котлованы заливать бетон. Дореволюционные старатели подсказали, как линзу выжигать паром.

Комиссарскую должность я совмещал с шоферской, для замеса бетонного раствора возил воду и разные строительные материалы. Наш отряд «Чукотка» был самый высокооплачиваемый. По итогам трудового семестра его признали одним из лучших в области. К сентябрю объект был сдан, но на этом мой трудовой семестр не закончился.

Через пару дней после возвращения меня и командира отряда Иссака Василевского вызывает Николай Фомич Лосев — ректор университета. Крепко пожимая руки, говорит: «Ребята, поработали вы хорошо, но придётся потрудиться ещё. Строительство нового учебного корпуса и студенческой столовой на грани срыва. Трест не успевает к назначенному сроку сдать объекты. Ваша задача организовать рабочий процесс. Надо уложить полы, застеклить оконные блоки, словом — загнать в здание тепло. Университет каждую неделю готов отправлять поочерёдно под вашу хозяйственную руку по двести человек. И так до первого декабря».

Согласно ректорской установке, учились мы самостоятельно, экзамены сдавали факультативом в удобное для нас время. Сегодня не могу представить, как смог я тогда вырезать стёкла в 320 оконных блоках. Без преувеличения, это был настоящий подвиг, поскольку работали мы безвозмездно.

В следующем году я уже командовал одним из университетских отрядов, отбывающим на Шикотан на сайровую путину. Надо сказать, что основная доля бланшированной сайры в СССР в то время производилась именно на Шикотане.

Известно, что чаще всего производственные мошенники плодятся там, где ослаблен контроль и процветает хаос. Так сказать, ловля рыбки в мутной воде. Шикотан с его сезонными работниками и был тем самым благоприятным местом,

где заводились мошенники. Однако от глаз студентов-правдолюбцев, тем более будущих советских юристов, что-либо скрыть было трудно. Они-то и вывели мошенников на чистую воду. Самым прискорбным оказалось то, что приписками производственной выработки, в ущерб рабочим из стройотряда, занимались сами контролёры. Понятно, что не без ведома начальства.

Однажды ночью меня будят: «Василий, вставай, на заводе забастовка!» Мой отряд, после трудовой смены, спит. Я прибегаю и что же вижу: производство встало, несколько сотен человек заполнили площадь и, митингуя, скандируют: «Махинаторов к ответу! Начальников судить! Бардак прекратить!» Все командиры отрядов разбежались, в том числе и командир сводного иркутского отряда, а нас было 600 человек. Директор завода тоже испарился, а народ ревет, митингует, возмущение нарастает, как бы не закончилось всё самосудом. Хорошо, что на острове во время путины сухой закон прописан и строго соблюдается.

Понимаю, что если ситуацию под контроль не взять, неизвестно, чем тогда все закончится. Что делать? Если бунт остановить невозможно, значит, его надо возглавить. Решаюсь...

На заводской площади стоял постамент со статуей рыбачки. Ну, думаю, Вася, пробил твой час! Залезаю на постамент, одной рукой обнял «рыбачку», другой — размахиваю, а у самого от страха ноги ватные. Как сейчас помню, во всё горло прокричал: «Ну, что бастуем?! Правильно бастуем!». Народ притих. Мой отряд считался лучшим на заводе, и меня знали.

Продолжаю в том же духе, мол, бастуем правильно, но забастовкой проблему не решить. Давайте думать, как исправить ситуацию. Пришли к выводу, что нужно создать комиссию и перепроверить все нормы выработки, в течение ближайших двух суток выявить и наказать виновных. Люди остыли и начали расходиться. Площадь опустела. Завод заработал. Вскоре появился директор.

Ощущение внутри меня было такое: словно родился заново. На следующий день я был назначен комиссаром сводного отряда Иркутска. Дело закончилось тем, что после окончания трудового семестра меня пригласили в обком комсомола на беседу к тогдашнему первому секретарю Сафонову Геннадии, далее разговор состоялся с секретарем по работе с молодежью Худяковой Людмилой, а далее меня пригласили в отдел науки обкома КПСС. Я был студентом очником, и чтобы согласиться на работу комиссаром областного ССО, мне нужно было переводиться на заочное обучение, и этот вопрос для меня был непростым. Однако все разрешилось как нельзя лучше, я перевелся на заочное отделение, а учиться продолжал со своей группой, как студент очник, и на защиту диплома вышел со своим курсом. Одним словом, на предложение я согласился и приступил к работе в штабе ССО, комиссаром иркутского областного студенческого строительного отряда, где я потом трудился семь лет. Принимал участие в организации работы более ста студенческих отрядов в Иркутской области ежегодно с общей численностью до тринадцати тысяч человек. Объемы выполняемых работ в те годы были сопоставимы с работой солидного строительного треста. Учеба командиров, комиссаров, мастеров и подбор врачей приносили свои плоды. Отряды справлялись с производственными заданиями, ЧП в отрядах были редкостью. В Советском Союзе мы входили в пятёрку лучших. В обязательном порядке в студенческие отряды направляли трудных подростков. Родители потом благодарили: «Он человеком вернулся!».

Наши бойцы строили железнодорожные трассы: Абакан — Тайшет, Решоты — Богучаны, БАМ, Усть-Илимскую ГЭС. Также работали на городских стройках в

Иркутске, Тулуне, Зиме, Тайшете, Железногорске, Усть-Куте и на многих сельских стройках. Монтировали санную трассу в Братске, впоследствии сыгравшую исключительную роль в развитии санного спорта в СССР. Были задействованы практически на всех крупных строительных объектах в городах и районах области. На селе возводили дома, школы, детские сады, животноводческие комплексы, на железной дороге — станционные здания, переходы. В городах работали на благоустройстве. Каждый год ездили на рыбную путину на остров Шикотан, на сбор овощей и фруктов в Краснодар. Стройотряд шоферов работал на Коршуновском горнообогатительном комбинате. Был и большой отряд проводников пассажирских поездов на железной дороге.

Пять-шесть отрядов уезжали за рубеж: в ГДР, Венгрию, Польшу, Болгарию, Вьетнам. Столько же отрядов мы принимали из-за границы. Кроме того, на стройках области трудилось немало студентов из московского университета имени Патриса Лумумбы и других московских вузов.

Особенно запомнились своим жертвенным порывом вьетнамцы. Однажды им поручили выкопать высокие столбы, чтобы очистить площадку. Они азартно принялись рыть у оснований столбов ямы. Чем глубже яма, тем больше крен. Вьетнамцы роют, столбы крятся, вот-вот упадут, но вьетнамцы ни с места, стоят, как приговорённые. Подбегая, кричим: «Отходите, раздавит!». Навстречу бригадир вьетнамского звена чуть ли ни строевым шагом подошёл, вытянулся по стойке смирно, рапортует: «Заданье выполним, если надо, то все здесь, как один, умрём». Еле разъяснили, что жертвы не нужны.

Общежитие госуниверситета, где я жил, считалось образцовым, и к нам часто на экскурсию приводили студентов из других стран. Однажды нагрянула группа африканцев, показываем им своё житьё-бытьё, накрываем стол, угощаем. Один из наших студентов, азербайджанец, накануне съездил на родину и привёз из дома двадцатилитровую канистру коньяка. Дали гостям попробовать, а наутро, естественно, они подняться уже не могли, хотя была запланирована обширная программа визита.

Чего только не случалось в студенческой жизни. Стою как-то в коридоре общежития, слышу: на четвёртом этаже стёкла зазвенели, и крики, будто режут кого. Залетаю в комнату: девчонки держат за ногу парня, пытающегося выброситься из окна. Перехватил его, а он, рыдая: «Вася, я жить не хочу, она сказала, что не любит, пусти!..» — и силится вырваться. Кричу девчонкам: «Ногу простыней обвязывайте!». Минут двадцать боролись с ним, еле вытащили. Все в крови — порезались о стёкла. Назавтра парня из университета отчислили. Через год ректор его восстановил, парень одумался.

Когда меня назначили областным комиссаром, перевёлся на заочное обучение, но фактически учился со своим курсом. Диплом защищал одновременно со всеми. Тему выбрал: «Прямая и представительная демократия в СССР». Исследовал, как проходят выборы, референдумы. Изучал зарубежный опыт. Отметил, что для решения жизненно важных вопросов в нашей стране референдумы могут быть востребованы на уровне областей, краёв, республик, страны. Хотя сегодня, забегая вперёд, скажу, что народ и демократия ничего не решают, что убедительно показал референдум, проведённый в начале девяностых, где остро встал вопрос о сохранении государства под названием СССР. Но тогда, в семьдесят втором, я свято верил в своё социалистическое Отечество и в нашу Коммунистическую партию. Впрочем, Отечество осталось, пусть поруганное, ужатое, но осталось. Также

осталась и вера в Россию, и надежда на возрождение Державы. А в семьдесят втором году прошлого столетия я, совершенно заслуженно, за дипломную работу получил оценку отлично.

Закончив обучение в Иркутском государственном университете, я продолжал работать в областном студенческом строительном отряде. Однажды с командиром областного отряда поехали в Москву, в Центральный штаб Студенческих строительных отрядов с отчётом и решить кое-какие наболевшие вопросы. К тому времени я уже пять лет пребывал в должности областного комиссара. Мой товарищ, командир Руслан Климас уже несколько лет трудился в штабе ССО, воспитывал двоих детей, но жилья у нас не было, ютились по общежитиям и где придётся. Квартирный вопрос всё никак не решался. Комиссар Центрального штаба посоветовал нам напрямую обратиться за помощью к министру строительства СССР, заверив, что нам не откажут.

Мы — люди глубинки, скептически отнеслись к такому совету. Чтобы министр Советского Союза похлопотал за каких-то двух стройотрядовцев из Сибири? Быть не может. Но письмо с соответствующим обращением всё-таки подготовили, позвонили в приёмную министра, изложили суть вопроса. На следующий день в 9 часов утра нам назначили встречу. Заходим в просторный светлый кабинет. Министр строительства приветствует, в располагающей к разговору манере, подробно расспрашивает о работе стройотрядов в Иркутской области. В конце беседы говорит, что прочитал наше письмо и наложил резолюцию с указанием решить квартирный вопрос немедленно. По возвращении в Иркутск через день мы получили ордера на жильё.

Каждый год наши бойцы награждались государственными наградами. Иркутскому областному студенческому строительному отряду, как правило, выделялось два-три ордена «Знак Почёта», один орден Трудового Красного Знамени и несколько медалей. Понятно, что награждаемый боец должен быть человеком уникальным, человеком выдающегося труда, чтобы все видели: награда — по заслугам. И вот ко мне обращается завотделом студенческой молодежи Геннадий Сонич, его попросило руководство переговорить со мной о подписании представления о награждении орденом человека, кандидатура которого не соответствует признанию. Более того, к стройотрядовскому движению этот человек имел весьма стороннее отношение. «Как же так, — говорю, — а как я ребятам после этого в глаза смотреть буду?» Словом, подписывать представление я отказался, однако возникла проблема, Геннадий на ближайшем бюро освобождался от должности и переходил на партийную работу, а на эту должность готовили меня. Конфликт с руководством обкома ВЛКСМ из-за представления на орден возник. Геннадий Сонич с должности вскоре ушел на партийную работу, мое назначение на его место не состоялось. К удивлению многих секретарей комитетов комсомола вузов, на должность завотделом студенческой молодежи был назначен профсоюзный работник из политеха. Вскоре был освобожден от должности командира областного студенческого строительного отряда Руслан Климас, сделавший для ССО достаточно много. Новым командиром был назначен главный инженер областного отряда. Я же к тому времени студенческим отрядам и штабу ССО отдал в общей сложности 10 лет. За это время комиссары областных, региональных и союзных ССО, и я в том числе, трижды были на учебе в Высшей партийной школе при ЦК компартии Украины в Киеве, где нам читали лекции лучшие преподаватели вузов и НИИ. Учили нас и в Москве, мы дважды побывали в квартире Владимира Ильи-

ча Ленина, в Кремле. Предложения по дальнейшей работе были, в том числе и из родного Госуниверситета, но я выбрал партийную работу.

В эти годы я встретил свою будущую жену, Белоголову Галину Дмитриевну, состоялась семья, вместе мы прожили сорок восемь лет. Сегодня она работает в Техникуме экономики и права Иркутского Облпотребсоюза, бывшем пушно-меховом техникуме. Дочь Юля выучилась на юриста и преподавала в академии Милюста, сейчас живёт в Москве, есть внук Сергей и внучка Настя.

Партийная работа в Советском Союзе

После того, как я ушёл из областного стройотряда, более пяти лет проработал в райкоме, горкоме и обкоме партии.

Сначала меня пригласили на должность инструктора отдела пропаганды и агитации в Куйбышевский райком партии города Иркутска. Я отвечал за наглядную агитацию, развитие народного художественного творчества и за здравоохранение. Куйбышевский район — трудовой. Здесь располагался завод тяжёлого машиностроения, фабрики, почти все автотранспортные предприятия — автомобильные, грузовые, таксомоторный парк, научно-исследовательские и проектные институты.

Тогда объявили первый Всесоюзный фестиваль народного творчества, в его рамках на местах проводились художественные смотры. В поисках талантов обошёл все трудовые коллективы. Диву давался творческому разнообразию. В одном из проектных институтов даже балет ставили: два инженера, муж и жена, раньше учились в балетной школе и в свободное от работы время участвовали в художественной самодеятельности с балетными номерами. На городском художественном смотре мы хорошо себя показали, заняли второе место, чего никто не ожидал от нашего ремесленного района.

Только закончился фестиваль, меня сразу пригласили инструктором в горком партии в отдел пропаганды. Через полтора года стал заведовать отделом. Работы было много: это и политическая учёба, и непосредственная агитационная пропаганда в трудовых коллективах, учебных заведениях, школах. Кроме всего, занимался проведением массовых общегородских мероприятий, торжественных собраний. Вместе с райкомами партии выводили на демонстрации трудовые коллективы, оформляли улицы плакатами и другой наглядной агитацией. В это время мне пришлось много общаться и работать с Союзом художников, театральными коллективами, со спортивными организациями, часто бывать на предприятиях, в учебных и научных учреждениях, на партийных собраниях. Как депутат городского Совета народных депутатов, участвовал в работе сессий, выступал с лекциями и докладами в различных организациях, в том числе и в Школе марксизма-ленинизма. В эти годы мне посчастливилось познакомиться и подружиться со многими талантливыми деятелями искусства, науки, образования, руководителями предприятий.

В то время вход в здание горисполкома и горкома партии был свободным, никакой охраны. Кто-то приходил к Николаю Францевичу Салацкому — председателю горисполкома, абсолютно доступному человеку, кто-то шёл в горком партии к первому секретарю Шафирову Леониду Моисеевичу, кто-то к секретарю по идеологии Шиверской Валентине Иннокентьевне, кто-то к работникам аппарата. Принимали по любому вопросу всех, без проблем.

Однажды, дело было в семь часов вечера, ко мне в кабинет заходит молодая женщина, на руках у неё младенец, завёрнутый в пелёнки. Вдруг она положила новорожденного на стол и пустилась бежать. Я за ней: «Стой-стой! Что случилось?! Что ты со мной делаешь?!» Догнал, вернул в кабинет и услышал историю: она работала штукатуром, познакомилась с бригадиром, тот обещал жениться, родила, но парень её бросил, жить негде, возвращаться на предприятие, где разбилась любовь, не хочет, ребёнка одна воспитать не в состоянии. Что делать дальше, не знает, поэтому, когда вышла из роддома, напрямиком направилась в горком.

Звоню директору домостроительного комбината, что был на Синюшиной горе, Шустикову Александру Сергеевичу: «У меня тут сидит штукатур-маляр с младенцем, жить негде, работы нет. Помогайте!». Через 15 минут директор перезванивает: «Ну что, Василий Иванович! Мы её включили в лучшую бригаду штукатуров-маляров, выделили комнату в общежитии, комендант уже ждёт. Связались с заведующим детсадом и записали ребёнка в ясли. По дороге на работу пусть приносит младенца в ясли, там о нём позаботятся». Я отправил за ней машину. Из горкома девушку с ребёнком отвезли в общежитие... Руководители помогли девушке, никто никого никуда не отфутболивал, как это делается сейчас, мол, мы такими делами не занимаемся и рожать вас не заставляли.

Другой случай запомнился особо. Работаю с бумагами в кабинете, заходят женщина под два метра ростом, маленький мужчина и ребёночек лет пяти — муж с женой и сыном. Пригласил их присесть. Женщина рассказывает: они учителя, супружеская пара, всё шло у них хорошо, пока в их школу не пришла молодая учительница. Муж влюбился и теперь хочет бросить семью и перейти к ней, что делать, не знает.

Ситуация понятна: надо сохранить семью. Я попросил женщину с ребёнком выйти из кабинета и подождать в приёмной, а сам взялся за мужика. С ним у меня состоялся часовой разговор. Чего только не говорил! Дал понять, что возьму вопрос под контроль, подниму директора школы, завучей, профком — жизни ему не дам, если разведётся. Объяснил, что вообще позорно для всякого мужика родить ребёнка, а потом его бросить. Мужчина то краснел, то потел, то белел, пока меня слушал. В общем, ушли они.

Проходит примерно год. Стук в дверь, на пороге — та же супружеская пара, тот же малыш, а на руках женщина держит новорожденного. «Василий Иванович, — говорит она, — мы пришли вас поблагодарить за то, что помогли нам сохранить семью. У нас всё хорошо, родился второй ребёнок. Мы так счастливы, что именно к вам тогда пришли!». А муж добавляет: «Василий Иванович, вы меня наставили на путь истинный. Я осознал ответственность за семью, за жену. Я её люблю, и другой не надо!».

Они ушли. Отложил бумаги в сторону и задумался. Этот случай преподнёс мне долгие размышления, как говорят, о жизни брэнной и семейном счастьее.

Все шло хорошо, отдел пропаганды работал грамотно, без замечаний. Секретарь горкома Шиверская Валентина Иннокентьевна ценила и уважала нас. Но когда слишком долго все хорошо, жди беды. Беды правда не случилось, но большая неожиданность произошла. Ночью прозвенел дверной звонок, открываю дверь, стоит военный подполковник и два младших офицера. «Василий Иванович, вот повестка, вы призываетесь в армию, на учения. Одевайтесь, ничего лишнего с собой не брать, двадцать минут на сборы». Оказалось, что мне предписано прибыть в Чистые Ключи, где дислоцировалась кадрированная дивизия, и вступить в

должность заместителя командира по политической части зенитной батареи. Дивизия незамедлительно своим ходом отправлялась на передислокацию в Монголию. Так, в чине войскового капитана, будучи резервистом, я принял ответственность по закону военного времени за боеготовность и личный состав зенитной батареи полка.

В Сибири декабрь месяц не особо приветлив, тем более для длительного перехода по заснеженному бездорожью. Случались и обморожения, и простудные заболевания, и технические поломки, но самое отвратительное выявилось в первых днях перехода. Урезание пайков, утка и утайка консервированных продуктов. Бойцы взроптали. Провёл дознание. Старшину, отвечающего за пищевое довольствие личного состава, как говорится, вывел на чистую воду. Открыто предупредил: «Ещё раз повторится, по законам военного времени отдам под суд военного трибунала, или резервисты упрячут».

В последующий месяц до окончания учений в пустыне Гоби бойцы питались согласно реестру и составленной калькуляции. Всего всем хватало. Полевая кухня и старшина работали отменно. Особенно бойцам понравилась, отдающая испариной, гречка с улан-удэнской тушёнкой.

Никогда не забуду наш марш через Монголию в пустыню Гоби, тогда туда прибыло пять дивизий, из Алтайского края, Иркутской и Читинской областей. На границе с Китаем начались сами учения. Наша батарея расположилась на высоте и защищала с воздуха штаб дивизии, внизу же на огромном плато в строгом порядке было выстроено огромное количество танков, БТР, самоходных орудий и ракетных установок. И вот вся эта армада двинулась, прилетели самолеты, было ошеломляющее зрелище.

По возвращении с учений, продолжил писать диссертацию на тему: «Социальная психология трудового коллектива». Хотел определить, чем руководствуется человек, когда идёт на выборы и голосует за кандидатов. Работа по диссертации подходила к концу. Мне надо было прикрепиться на кафедре социологии в пединституте. Дело оставалось за малым: в горкоме партии взять официальное письмо-ходатайство. И тут первый секретарь горкома меня осадил: «Василий Иванович, ты уж выбирай — или партийная работа, или научная». Ультиматум обескуражил. Думаю, на горкоме свет клином не сошёлся. Иду к секретарю обкома партии Евстафию Никитичу Антипину, а тот и говорит, что если партийный работник занимается ещё и наукой, то это очень хорошо, так и должно быть. И добавляет: «Завтра выходи на работу в обком, кабинет тебе приготовят».

По возвращении из военного похода приступил к работе в обкоме партии. Работалось плодотворно. Отношения с товарищами и руководством складывались наилучшим образом. С наукой же пришлось повременить. Вскоре меня назначили комиссаром агитпоезда, месяц в командировке. Потом направили на учебу в Новосибирскую Высшую партийную школу, только вернулся — был еще один агитпоезд. Агитпоезд обычно выходил из Иркутска и шел до Улькана на БАМе. Останавливался на один-два дня в каждом городе, районном центре на пути следования, начиная от Усолья-Сибирского. В агитпоезда по области привлекались лучшие преподаватели вузов, профессора, лекторы международники, экономисты, гуманитарии. На станциях нас встречали, лекторов развозили по предприятиям, колхозам, школам. Тогда живое слово умели ценить.

Советский спорт

После года работы в обкоме КПСС, мне позвонили из приёмной первого секретаря обкома партии Банникова: «Николай Васильевич вас ждёт прямо сейчас». Захожу в кабинет руководителя области. «Есть предложение назначить Вас председателем областного спорткомитета, — говорит Банников. — Ваше личное дело я изучил. Спорт вы знаете. Приступать к работе надо немедленно. Нужна капитальная ревизия всех спортивных сооружений: что снести, что построить. Наведите порядок с кадрами. Не сомневаюсь, Вы справитесь».

В начале 1981 года на ближайшем бюро меня утвердили председателем комитета по физической культуре и спорту при облисполкоме. По меркам сегодняшнего дня я бы назывался министром, но тогда министры были только в центральном управлении страны.

Мне повезло трудиться в спорткомитете, когда Иркутская область была на подъёме. Это было время легендарного человека — первого секретаря Иркутского обкома КПСС Николая Васильевича Банникова.

С начала 1980-х годов в Иркутске массово строились большие и малые спортивные сооружения: стадионы, лыжные базы, волейбольные и баскетбольные площадки, хоккейные корты. В одном лишь Иркутске возвели новый комплекс техникума физической культуры и спорта, сделали реконструкцию стадиона «Труд», построили стадион «Динамо», установили новые трибуны и подтрибунные помещения на стадионе «Локомотив», капитально отремонтировали стадионы «Авиатор» и «Локомотив-2». На 15-м километре Байкальского тракта ввели в эксплуатацию лыжную базу с гостиницей и столовой.

Мы заинтересовали физкультурно-массовой, спортивной сферой первых секретарей горкомов, райкомов, председателей исполкомов, директоров школ, руководителей предприятий. Между ними завязалось соревнование, каждый хотел выглядеть лучшим. Города и районы боролись за право принимать игры чемпионата области, сельские спартакиады. Я договорился с Москвой проводить матчи чемпионата СССР по футболу не только в Иркутске, но и в других городах. Ведущие футбольные команды страны не раз играли в Усолье-Сибирском. И это здорово, когда жители малого города могут на своём родном стадионе смотреть игры такого высокого класса.

В то время начинала в полную силу работать братская санная трасса. Уникальная в своём роде. Здесь были настолько труднопроходимые виражи, что считалось: если спортсмен преодолевает их успешно, выдерживая центробежные нагрузки, то он готов к любым соревнованиям. Сборная команда Советского Союза в обязательном порядке обкатывалась на трассе Братска. Надо отдать должное государственному тренеру спорткомитета СССР Вячеславу Величко, увидевшему в братской трассе объект для подготовки спортсменов олимпийского уровня. И спорткомитет СССР всячески трассу опекал.

В связи с этим сложилось и особое отношение к нашему спорткомитету. Я дважды выезжал со сборной страны за рубеж: на международный турнир в Польшу и на предолимпийскую неделю в Сараево в 1984 году. На предолимпийской неделе был руководителем сборной команды СССР по санному спорту. Предстояло опробовать новые сани и утвердить окончательный состав сборной. После тренировочных заездов стало понятно, что братчане Валерий Дудин и Наталья Лисица готовы претендовать на олимпийские медали.

Когда мы приехали на первую тренировку в Сараево, то многочисленные журналисты и представители других команд ринулись к нам — всем захотелось посмотреть на новые сани, на которых мы будем кататься на Олимпиаде. Тренер и руководство спортивной федерации буквально куртками закрывали эти сани, чтобы их описание преждевременно не попало в газеты, и никто не узнал о технических новшествах. Вот таким был интерес к советской сборной.

Преодолимпийскую неделю команда откаталась на «отлично», а на Олимпиаде Валерий Дудин завоевал бронзу. Тут надо сделать отступление: незадолго до поездки в Югославию Дудин попал в аварию на братской санной трассе и сломал ногу. Это выбивало его из тренировочного процесса, и о выступлении за сборную можно было забыть, но врачи сотворили чудо — в короткий срок поставили спортсмена на ноги. Только пошёл на поправку — случилась беда в семье. Пришлось помогать. Но Валерий выстоял — настоящий боец, завоевал медаль для страны. Если бы не жизненные перипетии накануне соревнований, уверен, он привёз бы олимпийское золото. Я потом ездил в Братск, просил, чтобы улицу в городе назвали именем Дудина. За медаль боролась и Наташа Лисица, однако не повезло, да и конкуренция оказалась высокой, и она осталась без наград, хотя показала себя бойцом.

Тогда же на спортивном небосклоне Советского Союза блистала звезда Константина Волкова — серебряного призёра Летних Олимпийских игр 1980 года. Тренировал его отец Юрий Волков, подготовивший более 30 мастеров спорта. Оба являлись ярчайшими представителями школы по прыжкам с шестом. Чуть позже ещё одним олицетворением иркутского спорта на международной арене стал шестовик Александр Крупский — чемпион Европы по лёгкой атлетике. Иркутская школа шестовиков располагалась на базе ДСО «Локомотив», а руководил дорожным советом ДСО замечательный человек Володя Беломестных, ныне настоятель храма Спаса Нерукотворного.

На 80-е годы пришёлся пик развития лёгкой атлетики в Иркутской области. Как отмечал государственный тренер спорткомитета СССР Клавдий Заграйский, область могла выставить на международных соревнованиях за сборную Советского Союза в эстафете 4 по 100 метров среди женщин четырёх спортсменок из Приангарья, имевших результат международного уровня. Весь Союз знал тогда имена иркутских легкоатлетов Татьяны Гойшик (олимпийская чемпионка 1980 года), Ольги и Александра Золотарёвых, Александра Стасевича, Ивана Коновалова, Павла Богатырева, Марины Молоковой, Ольги Носоновой. Выдающимся тренером по лёгкой атлетике тогда был Виктор Седых. Мне он запомнился очень спокойным, немногословным, без какого-либо «нахрапа», мудрым человеком. Настоящим тренером с большой буквы.

По зимним видам спорта в числе лучших вместе с Валерием Дудиным и Натальей Лисицей были Игорь Уткин, Андрей Трусов, Эдуард Бурмистров, Александр Устюжин, Ольга Ежова, Сергей Кривогузов — саночники из Братска. Большая заслуга в развитии санного спорта в те годы принадлежала председателю братского спорткомитета Римме Ивановне Куприяновой. Мама братских саночников — так ее звали.

Неудивительно, что в Иркутскую область за изучением опыта в год приезжало до 10 зарубежных делегаций — президенты международных федераций спорта, чемпионы, тренеры. Поэтому совершенно понятным было, что спорткомитет СССР выбрал тогда именно Иркутск для проведения всесоюзного семинара по

культурно-спортивным комплексам. Семинар был проведен успешно. Изучать было что.

Для справки, в 1985 году физкультурой и спортом в Иркутской области с населением в 2,8 миллиона занимались 929 тысяч человек (сегодня — 280 тысяч), значки ГТО имели 343 тысячи жителей. Тогда же мы провели 67 областных чемпионатов по разным видам спорта, 17 республиканских первенств, 5 всесоюзных соревнований и 7 международных турниров. В городах и районах сотни тысяч жителей приняли участие в 45 тысячах физкультурно-оздоровительных мероприятий.

В Иркутской области было 263 тысячи спортсменов массовых разрядов (второй и третий разряд), 5030 перворазрядников и кандидатов в мастера спорта, 36 спортсменам присвоили звание мастера спорта, кроме того, двое выполнили норматив и ещё двое подтвердили звание мастера спорта международного класса. Сборные команды области приняли участие в 86 республиканских и 23 всесоюзных соревнованиях. В состав сборной СССР входило 16 наших спортсменов, а в сборную России — 46.

Работало 35 спортивно-оздоровительных лагерей, действовало 65 комплексных детско-юношеских спортивных школ (ДЮСШ) и 9 специализированных школ олимпийского резерва, в общей сложности в них занимались 35,5 тысячи человек по 36 видам спорта. Резерв — огромный, всегда можно было выбрать самых талантливых ребят, способных добиваться на соревнованиях высоких результатов.

За работу ДЮСШ в областном отделе образования отвечал испытанный организатор Виктор Полодухин, в прошлом известный боксёр, тренер.

Не могу не упомянуть Михаила Ивановича Кузнецова, директора Школы высшего спортивного мастерства при облспорткомитете. Он собрал немало хороших тренеров, которые вели колоссальную работу по отбору и подготовке спортсменов. В комитете моим заместителем трудился Игорь Николаевич Попов. Человек огромной работоспособности, незаурядного ума, таланта и такта. У него были замечательные помощники — начальник учебно-спортивного отдела Геннадий Гноев и замначальника отдела Виктор Шувалов. В то время Дворец спорта «Труд» возглавлял Анатолий Курьян — легкоатлет, мастер спорта. Благодаря его настойчивости беговые дорожки на иркутском стадионе первыми в СССР застелили тартановым покрытием — самым скоростным в ту пору.

В середине 80-х построили новый учебный комплекс Иркутского техникума физической культуры и спорта в микрорайоне Солнечный. Это был единственный крупный объект спортивной инфраструктуры, который в тот год сдали в эксплуатацию в Советском Союзе. Строительство вёл «Главвостоксибстрой», директор треста Алексей Мацуль с большим энтузиазмом взялся за эту работу. Я курировал стройку, почти каждый рабочий день начинал с неё. Председатель облисполкома Алексей Ковальчук, как меня увидит, сразу спрашивает о ходе строительства: ему министр из Москвы постоянно названивал, очень просил, чтобы мы напряглись и сдали объект как можно быстрее. Пришлось напрячься всем, и к осени строительство техникума было завершено.

Старое здание техникума на улице Карла Маркса отошло облспорткомитету, но только мы туда переехали, меня вызвал к себе первый секретарь обкома Василий Ситников (Банников к тому времени ушёл на пенсию) и говорит, что здание нужно освободить для областного управления торговли. Начальник управления

торговли Киселёв А.А. заверяет, что этот дом когда-то изъяли из системы торговли, надо вернуть обратно. Пришлось мне подключать историков. Поднимаем архивы. Выясняется, что начальник управления вводит руководство области в заблуждение. Так и так, объясняю Ситникову: нет у них никаких прав на это здание. Он промолчал. В тот же день меня встречает председатель Иркутского горисполкома Юрий Шкуропат. «Слушай, — взмолился он. — Ситников меня уже в третий раз к себе вызывает, чтобы я уговорил тебя отдать здание Киселёву. Чего ты сопротивляешься? Найдём тебе подходящее место в центре города». И предложил двухэтажный особняк на улице Киевская, где до настоящего времени располагается министерство по спорту. Тогда там жили 32 семьи. За неделю всех расселили, выдав 32 квартиры в разных районах города.

Примерно тогда же провели доскональное обследование стадиона «Труд». Из акта следовало, что многое надо сносить и строить заново. Укрепили фундамент, сделали новую ливневую канализацию, удлинители мачты освещения и добавили прожекторы. Полностью демонтировали старые трибуны, проложили железный каркас и установили крепкие деревянные кресла. Фактически заново отстроили стадион.

Однажды мне звонят из Москвы: «Василий Иванович, ты выходишь в соцсоревновании на первое место в Российской Федерации, причём с большим отрывом!». И перечисляют: по спортивным сооружениям — Иркутская область первая, по физкультурно-массовой работе и спортивному мастерству — в лидерах...

Я сначала обрадовался, а потом расстроился: если до этого мы по 10 делегаций принимали, то теперь совсем отбою не будет... Через пару месяцев на областном торжественном собрании во Дворце спорта «Труд» мне вручили Красное знамя Совета министров РСФСР и ВЦСПС за первое место во всероссийском соцсоревновании.

В должности председателя облспорткомитета я уже проработал более шести лет. За это время я дважды избирался депутатом областного совета народных депутатов. 1986 год был для меня особенным, можно сказать, знаковым. В Москве состоялось большое совещание в ЦК КПСС по вопросам развития физкультуры и спорта в СССР. В совещании принимали участие секретари обкомов, крайкомов и рескомов, руководители региональных исполкомов, министры и члены ЦК КПСС, профсоюзные руководители всех уровней, секретарь ЦК КПСС и даже космонавты. Я чувствовал, что это шанс для спортивных организаций подняться и занять достойное место в управленческой иерархии страны, получить новый импульс для развития. Тогда комитеты по физкультуре и спорту всех уровней, от области до совмина СССР, были при исполкомах и совминах, финансировались по остаточному принципу и имели небольшие штаты. Благо, что в то время союзное спортлото приносило спортивным комитетам второй бюджет. Развивать спорт, физкультуру и ГТО на требуемом уровне было трудно. Я готовился или попросить слово для выступления, или хотя бы задать вопрос секретарю ЦК КПСС. Совещание шло как обычно, доклад председателя спорткомитета при совете министров СССР Грамова Марата Владимировича и несколько дежурных выступлений, далее слово секретаря ЦК КПСС. Выступление длилось около получаса, и вот Марат Владимирович говорит: «Уважаемые товарищи, разрешите поблагодарить секретаря ЦК КПСС за то, что он нашел время и пришел на наше совещание». Вдруг секретарь ЦК встал и сказал, что благодарить его не за что, это его работа, может, к нему есть вопросы. В зале тишина, все молчат, проходит минута, вторая, я понял, что

вопросов не будет, и поднял руку. Ну вот, Марат Владимирович, есть вопрос, я изложил то, о чем думал несколько дней. Суть: задачи поставлены грандиозные, а выполнять их должен Союзный комитет при совмине СССР, Российский комитет при совмине и мы при исполкомах, при остаточном финансировании и мизерных штатах. Всех удивило то, что секретарь ЦК попросил прощения у присутствующих, за то, что в своем выступлении не сказал о главном. Он отметил: «Да, изменение управления физкультурой и спортом в стране назрело давно. Теперь понятно, что это необходимо делать не откладывая и так далее». Его ответ на вопрос продлился более двадцати минут, зал аплодировал. Ну а дальше ко мне подошли коллеги и незнакомые участники совещания и поблагодарили за смелость. Даже космонавты, их было на совещании пятеро, подошли ко мне и сказали: «Ну ты, Василий Иванович, даешь, задать такой вопрос секретарю ЦК на совещании! В общем, ты теперь как космонавт, вчера тебя не знал никто, теперь знает вся страна». Союзный комитет и почти все спортивные работники мою инициативу восприняли с удовлетворением, но были те, кто был недоволен, в лице председателя спорткомитета России. Через два месяца был принято постановление ЦК КПСС, далее поправка в закон, и спорткомитеты, начиная с союзного, стали полнокровными подразделениями правительств СССР, России и исполнительных органов в регионах и автономных республиках. Возросло финансирование, увеличились штаты, прибавили зарплату и так далее. Всем этим я тогда существенно помог союзному и российскому спорту и в целом развитию физкультуры в стране. Всё, что можно было сделать, сделал.

К тому времени заметно стали набирать силу губительные реформы под названием «перестройка». Новые руководители во главе с Горбачёвым принялись предательски ломать систему управления страной. Систему, благодаря которой стали возможны великие стройки и мирное сосуществование народов, когда простой человек чувствовал себя как дома в любом уголке шестой части суши. В области произошли существенные изменения, потихонечку убрали Банникова Николая Васильевича, так и не присвоив ему обещанного звания Героя соцтруда за великие стройки и БАМ. Забрали на профсоюзную работу в ВЦСПС секретаря обкома Антипина Евстафия Никитича.

В комсомол и в партию пришли люди на «должность и перспективу», это были хорошие люди, но что-то было не так — началась кадровая зачистка. Чужачество, кумовство и дружанство наверху не обошли стороной Иркутскую область, пороки управления затронули армию и правоохранительные органы, и в конечном итоге вели КПСС и страну к неминуемому распаду и гибели. Это чувствовали и понимали многие. В это время мое личное состояние усугубилось тем, что на одном из профсоюзных спортивных мероприятий, чемпионате по горному туризму, произошло ЧП. Опоздавшую на регистрацию команду студентов не зарегистрировали, команда решила самостоятельно уехать в поселок Утулик, совершила попытку восхождения на одну из высот и попала в лавину, погибло восемнадцать человек. Меня назначили руководителем спасательной операции. Была выделена необходимая техника, два вертолета МИ-8, задействован областной спасательный отряд, мною было остановлено проведение областного чемпионата по альпинизму, а большая часть альпинистов была направлена на спасательные работы. В общей сложности на поиске погибших работало более ста двадцати человек. Руководитель областного спасательного отряда Красник Владимир Федорович умело и грамотно организовал работы на месте схода лавины. С 1 по 9 мая было

найдено семнадцать тел погибших. Почти каждый день в период поисковых работ мне приходилось встречаться с родственниками погибших, уговаривать их не подниматься на гору, чтобы не попасть в очередную беду, останавливать энтузиастов, туристов и альпинистов, которые хотели помочь в спасательных работах, обеспечивать поисковиков оборудованием и питанием, принимать тела погибших на площадке у подножья горы и отправлять их вертолетом в Иркутск на медосвидетельствование. 8 мая был найден 17-й погибший (последний будет найден летом, после таяния снега). 9 мая поисковая операция была свернута, и я вернулся в Иркутск. Каких-либо суровых наказаний косвенно виновные в ЧП профсоюзные работники не понесли, я же от прямого соприкосновения с человеческим горем получил тогда огромное моральное потрясение.

Буквально через несколько недель мне позвонили из орг. отдела обкома партии и сказали, что меня и еще одного работника облисполкома направляют на учебу в академию общественных наук при ЦК КПСС, у меня снова появилась надежда, что я закончу диссертацию и выйду в академии на защиту. Неделю пребывал в приподнятом настроении, однако когда до бюро обкома партии осталось полчаса, раздался звонок. Мне сообщили, что вопрос снимается. Кто-то тогда протащил своих, а нас попросту кинули. За шесть с половиной лет работы в облспорткомитете было немало всего, грустного и веселого, чрезвычайно трудного и радостного. Однако первое место в Российском соцсоревновании, достижения и победы на чемпионатах и международных соревнованиях, развитие и строительство спортивной инфраструктуры в области, выстраивание отношений с руководителями разных уровней, многочисленные делегации, которые мне ежегодно приходилось принимать, все это давало о себе знать, пришла усталость, возникло непонимание того, что происходит и что будет дальше. Я принял решение уйти из областного спорткомитета.

Служба в ГАИ

Меня пригласили на работу в Управление внутренних дел. Один год я отслужил в пожарных подразделениях. Три года служил командиром батальона ГАИ УВД Иркутской области. В штате батальона числилось 224 человека, инспекторы и 42 офицера. Батальон имел около полусотни автомобилей и двадцать пять эскортных мотоциклов. Основная наша задача заключалась в том, чтобы остановить рост аварийности на дорогах города и добиться её снижения.

Каждую неделю по средам и пятницам батальон проводил масштабные рейды: в 19:00 весь личный состав выходил на улицы и делал сплошную проверку автотранспорта на предмет угона, выявления пьяных и подвыпивших водителей. В один рейд перекрываем дороги и блокируем Ленинский район, в другой — Кировский, и так по очереди пять районов Иркутска. А потом всё по новой. Перед каждым рейдом я оповещал иркутян об усиленном патрулировании ГАИ. Эта практика прижилась и приносила свои плоды. Были дни, когда за рейд выявляли до 50 водителей, управляющих автомобилем в нетрезвом состоянии. Ставили скрытые патрули у ресторанов и кафе: выходят поддавшие люди, садятся в свои машины, отъезжают, а мы их уже встречаем. Тотальный досмотр многих отучил садиться пьяными за руль.

В те времена большое внимание уделялось пропаганде безопасности дорож-

ного движения. Мы регулярно формировали колонну автотележек, на которые грузили разбитые автомобили. Колонна медленно двигалась по улицам города, а громкоговоритель вещал: «Товарищи водители! Обратите внимание, к чему приводит нарушение правил дорожного движения». Картина довольно впечатляющая. Также по выходным дням у торгового комплекса Иркутска выставляли десяток стендов с фотографиями с мест ДТП. Я часто тогда выступал с профилактическими лекциями на телевидении, да и сами телевизионщики нередко участвовали в рейдах батальона ГАИ.

Также в ГАИ для эскорта имелось 24 мотоцикла. Эффектное зрелище, когда скоростной эскорт заявленным строем с развевающимися флагами сопровождает правительственные и разного рода дипломатические иностранные делегации. Как правило, путь пролегал от аэропорта до правительственного серого здания и в обратную сторону.

Короли, наследные принцы, генеральные секретари, председатели правительств довольно часто посещали нашу область с целью взаимовыгодного экономического сотрудничества. Словом, ехали со всего света. Неистощимые, как тогда казалось, природные и технические ресурсы Сибири, оказывается, с давних времён находились под хищным снайперским прицелом всех западных, восточных и заморских стран. Сегодня это стало очевидным.

Кроме сопровождения бойцы батальона принимали участие в задержании преступников, в том числе убийц, а также и распространителей наркотиков.

Работа в ГАИ — напряжённая, по 18 часов в сутки. Через два года у меня случилось предынфарктное состояние: во время рапорта потерял сознание, попал в реанимацию. По выздоровлении — снова на службу. На третий год в Иркутске впервые за много лет было зарегистрировано снижение аварийности. Мы восприняли этот факт как ожидаемый заслуженный результат нашей напряженной службы и постоянной профилактической деятельности. Но на итоговом совещании начальник областного управления ГАИ В.П. Мухортов с превеликим сожалением сказал мне: «Тебе хорошо, в Иркутске снижение аварийности, а у меня по области — рост...» Признаться я и офицеры батальона не ожидали этого, думали, что начальник промолвит: «Скажи бойцам спасибо, пахали они здорово, благодаря вам аварийность в целом по региону снизилась». Но начальство — оно и в Африке начальство, всегда себе на уме, и это надо понимать.

Если честно, реакция руководителя меня задела, и не только меня — начальника штаба, замполита батальона. Бывали целые недели, когда в Иркутске не случалось ни одного ДТП. И вот идёт четвёртый, пятый, шестой день тишины. У меня появляется предчувствие: завтра кто-нибудь стукнется. Однако бывало и так, когда за день происходило пять, а то и семь дорожно-транспортных происшествий. Потом опять затишье.

В таксопарк выезжал по несколько раз в месяц. Все собирались в гаражном боксе, я анализировал работу таксопарка по безопасности дорожного движения. Всегда предупреждал водителей: если кто-то из инспекторов ГАИ вымогает у вас бензин или деньги — немедленно сообщайте. Обещаю: этот инспектор больше на линию не выйдет. И по другим автобазам также ездили по утрам: я — на одном автотранспортном предприятии, начальник штаба — на другом, зампотех — в третьем. Так мы присутствовали во всех автобазах при выпуске машин на линию.

Однажды заходит ко мне в приёмную таксист и рассказывает: вчера на дороге его остановил инспектор — попросил 10 литров бензина, пришлось дать, сегодня

тот же самый гаишник снова останавливает и уже просит не бензин, а деньги... Звоню в дежурную часть: через полчаса инспектор сидит у меня. Это были его последние минуты работы в ГАИ. Я всем говорил: ребята, попадётся на вымогательстве, не задавайте вопросов, если положу перед вами чистый листок бумаги, — пишите заявление на увольнение.

В связи с этим пришлось в батальоне устроить смотр на предупреждение: все автомобили, а у нас было 40 спецмашин, по моему приказу вывели из гаража и поставили в ряд. Начальник штаба спрашивает: «Зачем?». «Да, хочу внешний вид посмотреть», — уклончиво отвечаю. Построил личный состав и говорю старшине Выметайло: «Сейчас вы подходите к каждой машине, открываете багажник и всякие канистры и другие ёмкости для наливания бензина изымаете». Таким методом были проверены все машины. Если находил канистру, спрашивал инспектора: «Каждый день вам выдаётся бензин, с этим проблем нет. Зачем канистру возите?» В другой машине две канистры — уже с бензином. Сразу предупредил личный состав батальона: впредь, если в служебном автомобиле будет обнаружена какая-то ёмкость или канистра — выносятся предупреждение, а если эти канистры полные — остаётесь без премии.

Как-то я обратил внимание на то, что по утрам в штабе частенько тусуется много непонятного народа: заместители руководителей разных предприятий шушукуются с инженерами по безопасности дорожного движения, заходят в дежурку, листают журнал ДТП, а часто бывало, что аварии были связаны с гибелью людей. Потом стал замечать: есть ДТП, есть пострадавшие, а свидетели вдруг отказываются от дачи показаний.

Сам пострадавший заявляет, что у него нет претензий. С чего бы это? Кто-то посторонний знакомился с материалами дела, узнавал адреса, фамилии участников ДТП и начинал влиять на ход дознания. Пришлось резко пресечь порочную практику: кого наказать, кого уволить.

Это для меня чуть не кончилось плохо. Вскоре вызывает к себе заместитель начальника УВД области Анатолий Павлович Корняков. Захожу к нему в кабинет, а там сидит народец — замы руководителей автопредприятий по безопасности. Корняков строго спрашивает: «Что же это ты, Василий Иванович, ГАИ от народа отрываешь, запретил этим людям появляться в батальоне?!». Объясняю: из-за попустительства отдельных офицеров граждане, сидящие перед Вами, ходили в дежурную часть, будто к себе домой, знакомились с материалами ДТП, выписывали сведения о нарушителях и пострадавших, потом одних подкупали, других запугивали, разваливая уголовные дела. Если руководство УВД считает мои действия по пресечению этой деятельности незаконными, прошу дать письменное указание впредь разрешить копаться в дежурной части всем, кому заблагорассудится... Корняков меня спокойно выслушал и сказал: «Василий Иванович, ты всё правильно сделал, а с этими товарищами я сейчас поговорю отдельно, и с их руководством тоже...».

Корняков поддержал меня и в другой непростой ситуации. Во второй половине 80-х один из первых митингов демократов собрал на улице Советской около 300 человек, организаторы согласовали шествие до площади имени Кирова. Перед батальоном ГАИ была поставлена задача: обеспечить безопасность движения колонны по улицам Декабрьских Событий, Карла Маркса, Ленина. Чем мы и занимались. Когда колонна вышла на улицу Карла Маркса, ко мне обратился замначальника УВД: «Приказываю перекрыть улицу и дальше колонну не пускать!».

Я возражаю — могут возникнуть непредвиденные обстоятельства, велика вероятность хулиганских действий. А тот непреклонен: дескать, приказываю перекрыть улицу!

Неизвестно чем бы дело обернулось: всё-таки приказы отдавал человек, руководивший пятью городскими райотделами милиции. Его команду могли выполнить и другие люди, по-своему. Тут к нам подъехал замначальника УВД области Анатолий Павлович Корняков. Я ему докладываю о странном приказе. Корняков отвечает: «Василий Иванович, вы командир батальона. У вас приказ руководства УВД обеспечить безопасность прохождения колонны до площади Кирова. Выполняйте. А приказ перекрыть улицу для вас силы не имеет». Так ситуация разрешилась... Но столкновение с руководством, особенно в милиции, не сулит тебе ничего хорошего. И вскоре случилось ДТП: муж директрисы Иркутского торгового комплекса на подаренной ему машине ВАЗ-01 столкнулся с грузовиком. Вина его была доказана: по трамвайным путям совершал обгон грузовика на знак запрета. Не справился с управлением. Из-за этой аварии тогда замначальника УВД по г. Иркутску меня и отдел дознания батальона буквально вынуждал сделать виноватым водителя грузовика. И только вмешательство зампрокурора области Петра Николаевича Парцея остановило этот беспредел.

За время службы в батальоне ГАИ мне дважды пришлось совместно с КГБ обеспечивать безопасность М.С. Горбачёва во время пребывания его в области. Сложилось впечатление, что он бесцельно метался по стране, как воробей по сараю, поскольку программа пребывания его в Иркутске менялась за одну ночь до пяти раз. Особенно памятен его второй приезд. Тогда кортеж Горбачёва выехал из аэропорта и оказался перед тысячной толпой, которая собралась в ожидании встречи. Генсек велел водителю остановиться и вышел к собравшимся из правительственного авто. За ним последовали Яковлев, Шеварднадзе и Р. Горбачёва. Вся свита сразу же оказалась в окружении толпы без обеспечения охраны. Возникла вероятность теракта. Сотрудники охраны ринулись за ними, схватили Генсека, его спутников и буквально закинули в бронированный салон автомобиля. ЧП не случилось, а могло быть.

Перестройка набирала обороты, и я из органов внутренних дел был переведён в облисполком. Мне было предложено приступить к разработке областной программы «Правопорядок-95». Что я и сделал. Её реализация была рассчитана на пять лет — с 1991 по 1995 год. Большую поддержку в этой работе оказал Володя Кокорин, председатель комиссии по законности и правопорядку областного Совета народных депутатов. Тогда же Горбачёв образовал всесоюзный комитет по борьбе с преступностью и возглавил его. Были образованы аналогичные областные, краевые и республиканские комитеты. Их также возглавили руководители регионов, в Иркутской области — Владимир Иванович Потапов, председатель областного совета народных депутатов, в прошлом первый секретарь обкома. В это время мне предложили перейти работать в областной Совет народных депутатов на должность помощника председателя комитета по борьбе с преступностью. В комитет вошли представители органов внутренних дел; прокуроры, судьи, депутаты. Но проблема была в том, что у этих вновь созданных комитетов отсутствовали реальные полномочия. В штате собственно один помощник председателя. Решения, которые они принимали, имели рекомендательный характер. Таким образом, создавалась видимость борьбы, а на деле начиналось планомерное разрывывание государственной собственности.

В это время председателем областного Совета народных депутатов становится Виктор Васильевич Игнатенко. У него родилась идея создать секретариат областного Совета, который бы руководил работой аппарата. Меня назначили заведующим секретариатом. Вся финансово-хозяйственная и организационная работа легла на секретариат, по существу пришлось даже взять на содержание бывшую автобазу уничтоженной КПСС, оказывать помощь органам власти в городах и районах.

За год мы по разнарядке из Москвы получали несколько сотен автомобилей, распределяли их среди городских, районных, поселковых и сельских Советов народных депутатов.

Вспоминаю, когда председатель облисполкома Юрий Абрамович Ножилов не сработался с тогдашним прокурором области Александром Алексеевичем Плещивцевым, начались поиски нового прокурора. Володя Кокорин несколько регионов объездил: знакомился с претендентами, в основном это были заместители областных прокуроров. Искали долго, но подходящую кандидатуру не нашли. И вот идёт очередное заседание комиссии по законности и правопорядку областного Совета. В повестке всё тот же прокурорский вопрос. Я терпел-терпел, беру слово и говорю: «Товарищи, что мы ищем топор под лавкой, когда у нас есть прекрасный прокурор Восточно-Сибирской транспортной прокуратуры Юрий Яковлевич Чайка. Давайте переведём его прокурором области, а действующего назначим прокурором транспортной прокуратуры. Во-первых, людей своих сохраним. Во-вторых, мы знаем обоих — это принципиальные, честные люди». Сегодня я бы призадумался, прежде чем это сказать...

Предложение приняли. Кокорин объявляет перерыв в заседании комиссии, бежит к Ножилову. Буквально через десять минут возвращается, восторженно говорит: «Ножилов аж в ладоши захлопал, так ему понравился этот вариант».

Так Юрий Чайка стал прокурором области. Потом наступил момент, когда Юрий Яковлевич предложил мне работать в прокуратуре начальником финансово-хозяйственного отдела. Я отказался. Примерно в то же время отказался и от другого предложения: возглавить иркутский филиал «Академбанка». Не хотел уходить из областного Совета, любил своё дело. В это время произошло значимое для нас событие. У Виктора Васильевича Игнатенко возникла идея возродить официальные отношения с городом Шеньян Китая, посмотреть, что у них происходит, может чему-то поучиться. В совет народных представителей Шеньяна было направлено письмо, нас пригласили посетить провинцию Шеньян. Была сформирована делегация, которую возглавил Виктор Васильевич Игнатенко, и вот мы прибыли в Шеньян. Сначала встреча с руководством города и провинции. Посещение Шеньянского металлургического комбината, на котором в то время работало около четырехсот тысяч человек, потом показ ряда организаций и центрального рынка Шеньяна, общей длиной в несколько километров, который нас поразил порядком и четкой организацией, далее нам показали все, что нас интересовало. Потом предложили большую экскурсию по отличному автобану до города Дейлян. С посещением тринадцати городов и показа жизни людей, заводов, образовательных учреждений и так далее. В городе Дейлян нас приняли как давних знакомых, близких людей, по возможности многое дали увидеть, и самое главное, пригласили на заседание, если так можно сказать, городского штаба по перестройке. Вел штаб председатель горисполкома, председатель ГК КПК сидел рядом. В зале руководители всех более или менее значимых предприятий и производств,

действующих в городе и вновь возводимых. Строгие доклады, отчеты — что за прошедшую неделю сделано по реализации планов модернизации действующих предприятий, внедрению инноваций, новых технологий, в том числе иностранных, и даже строительству новых, купленных за рубежом производств.

Из всего увиденного и услышанного тогда нам стало понятно, что в Китае осуществляется невиданная по масштабам и глубине индустриализация страны при строгом, бережном сохранении того, что есть, обновление всего в промышленной и социальной сфере, вовлечение населения в строительство нового Китая. Возвращаясь домой, мы с горечью думали о том, что у нас все наоборот, власть Ельцина все разрушает. Уже была уничтожена КПСС, убит СССР, шла ломка людей, советского человека, капитализм со звериным оскалом уже был не на пороге нашего дома, а брал за горло большую часть людей, граждане России становились ельцинскими россиянами без прав, без работы, без будущего.

Вскоре господин Ельцин издал указ о роспуске областных Советов. КПСС уже была распущена. Дабы не допустить недовольства депутатского корпуса по стране, штатным депутатам единовременно выплатили зарплату на год вперед, аппаратам сохранили ежемесячную зарплату в течение года.

После расстрела Белого дома в сентябре 1993 года, в защите которого принимать участия мы не могли, поскольку заблокировали авиарейсы на Москву, я окончательно убедился в том, что весь советский народ оказался жертвой планомерного, долговременного антинародного заговора и предательства тогдашних верховных властителей. В то время мне моя жизнь показалась такой далёкой, никчёмной и ненужной, что я впал в глубокую депрессию. Всё не верилось, что наша страна рухнула, как подмытый водоворотом берег, что я не сумел сберечь завоевания Октября, ради которого жил, искренне безоглядно трудился и в результате, как большинство россиян, оказался в заложниках новоявленной заморской демократии. Многие тогда сгинули бесславно, меня же от петли спасла, как я теперь понимаю, рабоче-крестьянская закалка. За что спасибо родителям и СССР. Многие сегодня думают, что расстрел Белого дома в Москве, пленение депутатов Верховного совета РСФСР были событием чисто московским. На самом деле все было сложнее. В день расстрельных событий все руководство Иркутского облсовета было в приемной и кабинете председателя Виктора Васильевича Игнатенко. Все ждали развязки. К вечеру, когда стало темнеть, на крыльце Серого дома появился губернатор Ножилов Ю.А., в сопровождении нескольких молодых людей. Через некоторое время на крыльцо был сброшен сорванный с флагштока на здании флаг РСФСР и водружен флаг новой власти. Молодые люди потоптались на флаге РСФСР и, получив команду губернатора, удалились в Серый дом, тогда стало очевидным, что страна, в которой мы жили, и ее власть умерли. Все развивалось по неизвестному стране и людям плану. А в Москве и в «губерниях» мудрые люди впали в преступное безумие.

В первой половине 90-х нечаянно познакомился с бывшим начальником пчеловодческого отдела из областного управления по сельскому хозяйству Анатолием Кузнецовым. Раньше почти в каждом колхозе имела своя пасека. Дело было поставлено на государственный лад: все пасеки обеспечивались инвентарём, специалистами, методической литературой. И вот Анатолий уговорил меня заняться пчеловодством.

Это у меня теперь двадцать пчелосемей, а начинал с двух. Одну семью подарил Коля Кузнецов, вторую взял на откуп. Пока приобретал опыт пчеловода,

товарищи поддерживали наставлениями. Дело для меня было новое, и я с предельным интересом окунулся в него. Помню первый вывоз пчёл на пасеку. Когда по ночи загружались, небо сияло звёздами, а под утро затянуло тучами, пошёл дождь. Приехали на место, разгрузились, стали разносить и устанавливать улья на заранее вбитые столбики. При установке очередного нога скользнула, и я уронил улей, образовалась щель. Мать честная, что тут началось! Пчёлки загудели и ну выпуливаться из этой щели. Как назло, штанина сползла, и часть тела ниже пояса оголилась. Четыре пчёлки тут же в аккурат и прижгли. Я, размахивая руками, заплясал, а Анатолий в стороне смеётся: «Радуйся, — говорит, — Бог наградил поцелуями».

Теперь у нас с товарищами общая пасека. Как я уже сказал — у меня 20 ульев, у товарищей до девяноста и более. Люблю туда приезжать: бывало лежишь в траве недалеко от ульев и наблюдаешь, как пчёлки, взмывая вверх, улетают, через некоторое время, уже отяжелевшие взятком нектара, возвращаются, с лёту падают, разгружаются и вновь улетают. Работоспособность пчелы потрясает: чтобы найти медонос и собрать нектар, порой она летит до пяти километров, а потом — назад. И так весь световой день. Как не любить таких тружеников?..

В 1994 году сформировали Законодательное собрание Иркутской области. Первым председателем был избран Иван Зигмундович Зелент, он также стал членом Совета Федерации. Пригласил меня помощником. Наступили тяжелейшие годы для Иркутской области, да и для страны в целом. Экономика, созданная в советское время, стремительно распадалась. Марионеточное правительство Ельцина, ведомое легионом советников из Америки, и опираясь в регионах на таких, как Ножиков, разрушало государство и страну. Они трудились не покладая рук. Налоговые поступления в бюджет почти прекратились. Губернатор Юрий Ножиков зачастил в Москву: просил, чтобы Иркутской области выделили очередной транш для выплаты заработной платы в социальной сфере. На его челобитных с просьбой о финансовой помощи Ельцин сначала ставил резолюцию: «Выделить». А однажды написал: «Рассмотреть». И денег нам больше не выделяли.

Ситуация, по сути, сложилась катастрофическая. Как-то мне звонит Ножиков и спрашивает: «Иван Зигмундович на месте? Передай ему, сейчас приду, будет серьёзный разговор, и пожалуйста никого к нему не пускай». Предупреждаю Зелента. Вскоре приходит Юрий Абрамович. Они беседовали ровно 23 минуты. Ножиков вышел и направился к себе. Вскоре ко мне в кабинет заходит Зелент. В руках держит заявление, в котором губернатор информирует о досрочном сложении полномочий. На ближайшей сессии Юрий Абрамович был освобождён от должности. Таким образом он увильнул от ответственности за развал и уничтожение экономики области, поставив жизнь значительной части населения на грань выживания.

В 2005 году я ушёл на пенсию, но ещё какое-то время проработал в управленческой сфере: был помощником сенатора Межевича Валентина Ефимовича, принимал активное участие в работе регионального отделения КПРФ, а позднее создавал региональные отделения политических партий: сначала ВКПБ (Всероссийская коммунистическая партия большевиков), минуя тогда отказался ее регистрировать. Через полгода нами была создана Всероссийская коммунистическая партия будущего (ВКПБ). Снова отказ в регистрации. Через полгода была создана партия под названием «Патриоты России», отделение которой я возглавляю в области до сих пор.

Судя по реакции тогдашнего губернатора Бориса Говорина, партийно-политической работой я занимался слишком рьяно, поскольку ему приходилось жаловаться на меня председателю Совета Федерации Сергею Миронову: мол, помощник члена Совета Федерации проводит в Иркутской области пикеты против власти и чуть ли не возглавляет оппозиционное движение, надо его унять.

Все это время власть меня не жаловала, депутатские фракции партии «Патриоты России» в Ангарской и Братской думе потихонечку «ликвидировали», кандидатам от партии либо «не позволяли» зарегистрироваться, либо «препятствовали» избранию, а на последних выборах губернатора в 2015 году, в которых я участвовал, действующий губернатор всячески блокировал сбор мною необходимого количества подписей. Не хватило для регистрации двадцати подписей, собрал двести тридцать семь. Что поделаешь, если установленный властью фильтр не пропускал патриотически настроенных кандидатов.

Считаю себя одним из последних солдат СССР. Не могу безучастно смотреть на то, как бездарные реформаторы, многие из которых безусловно преступники, продолжают растаскивать и планомерно уничтожать наше государство, где доминирующим является русский человек. Но жизнь продолжается и, по моему глубокому убеждению, ещё что-то можно исправить. Главное не потерять надежду и опору в народе. С тем и живу.

Примечание: Чтобы читатель хотя бы немного мог представить ситуацию в Иркутской области после 90-х (эпоха губернатора Ножикова), привожу некоторые цифры, которые дают представление о масштабах трагедии тех лет.

— Общий спад промышленного производства в 1997 году к уровню 1990 года составил 47%.

— В пять раз по сравнению с 1990 годом сократилось жилищное строительство и ввод в эксплуатацию жилых домов.

— 2/3 из оставшихся предприятий были убыточны. Спад производства наблюдался практически во всех базовых отраслях.

— Резко сократился грузооборот транспорта общего пользования, в 1997 году он составил лишь треть от грузооборота 1990 года.

— Внешнеторговый оборот упал до 20% к уровню 1995 года.

— Задолженность по зарплате к 1 сентября 1997 года превысила 230 млрд. рублей, задолженность по детским пособиям достигла 524 млрд. рублей.

В городах области приказали долго жить более сотни действующих заводов, фабрик и иных производств, прекратили существование 225 колхозов и совхозов области. Численность населения Приангарья за перестроечные годы сократилась почти на полмиллиона человек.

Время перемен не за горами!